

ВЛАДИМИР МАЛЫГИН

МАНГУСТ

FANTASY * WORLD

Владимир Владиславович Малыгин

Мангуст

Серия «Fantasy-world»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21124006

*Владимир Малыгин. «Мангуст». Серия «Fantasy-world». Выпуск 27:
Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113490-7*

Аннотация

Дальняя окраина некогда могучего государства, разрушенного опустошительной войной и техногенными катастрофами. Да что государство? Последовавшие за всеми этими непотребствами природные катаклизмы перевернули карту мира и весь привычный уклад жизни, наделили выживших людей необычными способностями, а, словно в противовес этому, населили океаны и моря мутировавшими чудовищами. Непонятно, то ли назад откатилась цивилизация, то ли, наоборот, продвинулась далеко вперёд. Окраина... как всегда, плетётся в хвосте прогресса. В поле зрения исследовательско-охотничьей экспедиции попадает молодой парень, абориген с необычными способностями. Начинается охота...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	45
Глава 4	63
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Владимир Малыгин

Мангуст

Глава 1

Луч утреннего солнца пробрался меж тяжёлых колючих кедровых лап, пощекотал в носу и перебрался на правый глаз. Налетевший с моря ветерок качнул длинные острые иголки, шевельнул мохнатыми ветвями – и заметался, задрожал лучик, заморгал прерывисто, уколол в приоткрывшийся зрачок.

Апчхи! – сдавленно чихнул Славка, судорожно зажимая нос и стараясь, чтобы никто не услышал этого предательского чиха.

В общем-то можно было особо и не опасаться. Уже давно на эту всеми изученную сторону заброшенного кладбища старых кораблей никто не забредал. Ни одна живая душа не оживляла своим присутствием пустые ржавые остовы. Да и не могло быть по-другому. За многие годы после последней большой войны, или как её ещё называл старик – всеобщего апокалипсиса, всё более или менее ценное отсюда давно растащили. Оставались только медленно ржавеющие корпуса некогда могучих красавцев, столетие назад уверенно бороздящих моря и океаны, а теперь сонно доживающих по-

следние десятилетия своей бурной и весёлой когда-то жизни.

Как давным-давно, рассказывал старый дед, с малолетства воспитывавший пацана и приучавший его к местной суровой жизни, сначала мир сотрясли техногенные катастрофы, в соседней Японии разрушились прибрежные атомные станции, выбросив из своих бункеров смертельную для всего живого заразу и отравив и землю, и, что оказалось самым опасным, океан.

А потом и война началась. Как будто мало было людям этих катастроф. Так ещё и ракетами ударили... с ядерными зарядами. И что получилось в итоге? Как горестно качал плешивой головой с редкими пучками седых волос старый дед, наступил всеобщий кирдык. Нет, люди-то кое-где уцелели, начали выживать. Вот только наступившие годы Великой Тьмы очень уж затруднили им эту задачу. И похолодание навалилось, пришла Великая Стужа. Как будто мало было той ядерной заразы, после которой в океане чего только не расплодилось. И каких только монстров не выкидывало порой яростным штормом на берег. И земля изменилась, встряхнулась, словно решила избавиться от выживших из ума людишек. На старых картах, ещё довоенных, можно было посмотреть на сушу, какой она была до общей катастрофы. А теперь, в основном, только лишь солёная вода вокруг. Океан и раньше занимал основную часть земного шара, а уж после совсем распоясался. Говорят, где-то далеко в центре осталась нормальная жизнь, да где он, этот центр?

Последствием очередной такой «встряски» планеты явилась огромная волна, смывшая прибрежные, и не только, города и посёлки. Волна схлынула, а вода осталась. Дед говорил, что у нас вода, а где-то, наоборот, новая земля появилась. Да-а. Отсюда и произошли вот такие кладбища старых кораблей и другого мусора когда-то могучей цивилизации, выброшенные далеко на сушу, спрессованные в неопределимую массу, успокоившуюся в распадках когда-то высоких сопок и гор. Осел пепел, пришло тепло, ушла стужа, а кладбища остались. Раньше их называли свалками, а теперь только так, не иначе. Кладбище. Чего тут только не встречалось. И не только разнообразные корабли, хватало и другого, не менее интересного хлама. Но только со временем всё опаснее стало лазить и копаться в этом мусоре. Безжалостное время брало своё. Изредка по огромному кладбищу словно тяжёлый вздох прокатывался, это очередной изржавевший остов не выдерживал давления времени и своих более везучих, а значит и лучше сохранившихся товарищей, и с грохотом, лязгом сминающегося железа в клубах рыжей пыли складывался в плоскую лепёшку.

Вот поэтому и считалось это кладбище опасным, и редкие команды поисковиков обходили его стороной. За прошедшие годы отсюда всё ценное было вытащено, а рисковать попусту из-за ржавого металла своими жизнями никому не хотелось. Если только пробраться в самую глубь, там ещё можно пожить, но... Вот это самое но и кормило

таких пацанов, как Славка. Поисковикам было что терять, свои жизни они ценили, а пацаны... Они по молодости лет даже и не задумывались об этом, просто существовали в этих ржавых джунглях.

Только на окраине ютились никому не нужные нищие, пытающиеся оторвать где-нибудь поблизости плохо держащуюся железяку и потом пристроить её торговцу в поселке за бутылку ядовитого пойла. Даже вооружённая фермерская охрана опасалась соваться на территории, занятые нищим кланом. Причудливые норы в слежавшемся мусоре и железе надёжно защищали в своих глубоких лабиринтах не только их законных обитателей, но и попадавших в их руки редких пленников. Что там с ними происходило, никто не знал, кладбище надёжно хранило свои секреты. Изредка из этих нор выползали рахитичные детишки с тощими конечностями и синими личиками, грелись на горячем металле, подставляя свои тельца под обжигающие лучи солнца, и с наступлением сумерек уползали обратно. Впрочем, уползали не все, кое-кто и оставался, предпочитая сдохнуть под чистым небом и на свободе. И дохли от зверья, от своих же соплеменников, с наступлением ночи выходивших на охоту. А некоторые выживали, постепенно набирались сил, крепили и становились кошмаром бывших своих соплеменников. Так что хватало на кладбище и подростков и взрослых, которые держались друг от друга подальше, изредка объединяясь в крепкие банды, наводящие ужас на эту огромную террито-

рию, державшие в страхе всех добытчиков дешёвого барахла.

Такая озверевшая от выпитого, опустившаяся до скотского состояния группа и убила старого деда, оставив Славку без единственного дружественного плеча. Убили за несколько испорченных приборов с прижавевшими зелёными стрелками, разбитыми стёклышками и сохранившимися кое-где полустёртыми буквами. Дед только и успел оттолкнуть мальчика за ржавый остов небольшого буксира и прохрипеть: «Беги».

Вцепившиеся старику в горло грязные сморщенные руки с чёрными длинными когтями более всего потрясли мальчишку и запомнились навсегда. До сих пор снятся, тянутся к лицу, вызывая безотчётный ужас и страх. Сколько раз просыпался в слезах, пока не сгладилась острая горечь утраты. Потому и прячется с тех пор не на самом кладбище, а невдалеке, на заросшей кедровым стлаником сопке. Растительность низкая, густая, как раз мальчишке по пояс, ходить тяжело, только по одному ему известной стёжке. Зато весь склон видно, густые заросли таволжки далеко внизу полностью закрыли русло небольшого ручья, откуда и берёт пресную воду вся окрестная шушера. И никто голову не забивает, можно ли пить эту воду. Хотя слухов о том, что кто-то от этого помер, не доходило. А больших деревьев в округе нет, давно на дрова извели. И вырасти так и не дают, рубят. Говорили, что где-то далеко на севере ещё осталась почти нетрону-

тая тайга, где остались нетронутыми города и производства, где люди живут совсем не так, как на этой отдалённой окраине, хотя Славка этому не особо верил. Как оно всё могло сохраниться, если суши той осталось по слухам всего ничего? Дедовы же рассказы часто вспоминаются. Жаль только, не доучил старый мальчика, не успел передать многое из того, что знал сам. Сначала всё отговаривался, мол рано, молод ещё, а потом спешил-торопился, как будто знал, что не успеет передать ему свои знания. Откуда у него столько их? Никогда не рассказывал, сколько не упрашивал. За более чем полтора века, прошедших со времён большой войны заросли раны на теле земли, кое-как организовались выжившие люди. Те, что остались, потому как осталось их очень мало. Сначала друг друга резали за кусок хлеба, потом власть делили, как будто сохранилась где-то эта власть, потом банды появились и остались. Стало как-то понятнее жить. Всё это рассказывал старый дед, передавая свои знания пацану. И учил кроме этого счёту и письму, и ещё кое-чему, о чём строго-настрого запретил рассказывать кому бы то ни было...

Потянулся худым жилистым телом на мягкой лежанке из лапника, вытянулся с наслаждением, распрямляя залежавшиеся мышцы, зажмурился на ласковый лучик и накатившие воспоминания, щёлкнул пальцами, зажигая маленький светлячок над головой. Вот это и было самым главным секретом, которому обучал дед. Магия. Этим незнакомым словом называл учитель различные фокусы, которые мог делать

сам и которые вдалбливал в мозг своему ученику. Редкость в этом мире. Впрочем, это тут, на кладбище, редкость, среди бомжей и бродяг. А вот в посёлке таких умельцев много. Но там и жизнь совсем другая, сытая и чистая. Вот только мне туда ходу почти нет. Кто я такой, без документов и денег? Только лакомая добыча для любого торговца. А если узнают, что я магией владею, то бандиты меня даже на этой сопке найдут и продадут какому-нибудь перекупщику живого товара. Это если не заставят на себя задаром горбатиться. Впрочем, не всё так плохо. Иногда в посёлок я всё-таки пробирался. В основном в сумерках. Стучался в плотно закрытые знакомые ставни, прошмыгивал в открывшуюся на условленный пароль дверную створку из тяжёлой броневой корабельной стали. Сюда изредка мы заходили сначала вместе с дедом, сдавали редкие найденные вещицы, приобретали на вырученное необходимые для жизни вещи, а потом и сам, один. Деда давно нет, а связи остались. Теперь одному приходится работать. Летом хорошо, можно и так прожить, а вот с наступлением холодов становится тяжело, накопленные за жаркие месяцы деньги и запасы быстро заканчиваются, и приходится чаще наведываться в посёлок к знакомой двери. А ещё можно с окрестной посёлку сопки вдоволь полюбоваться огромными воздушными машинами, изредка проплывающими высоко-высоко в безоблачном небе, которые связывают этот отдалённый архипелаг с цивилизацией. Рассказывал иногда дед об этой цивилизации, с чужих, прав-

да, слов. Сказки всё это. Не верил я деду, не бывает такого. Настоящая жизнь вот она, перед глазами, все так живут. К посёлку только маленькие морские баркасы подходят, дымят паровыми трубами, продовольствие привозят и торговцев с разнообразными товарами для хозяйства. Ведь на весь остров это единственный крупный посёлок. Хотя мелких хозяйств на архипелаге хватает. Фермеры в основном. Морепродукты выращивают, ракушку, трепангов, морских ежей, даже водоросли. И тут таких ферм много, вот только не пристроиться туда, желающих уж очень много. Можно и уголь ломать в открытом карьере, туда в любом возрасте можно пристроиться, но только очень уж там тяжело, никакого здоровья не хватит. Поэтому и остаётся единственным источником дохода для беспризорных пацанов заброшенное старое корабельное кладбище.

Правда, в последнее время начал чаще задумываться, откуда-то ведь эти баркасы приходят, где-то берут товары на обмен и для торговли? Может, действительно, есть где-нибудь эта цивилизация? Иначе для кого фермеры свои ракушки выращивают? Не для местных же... И эти огромные туши, изредка парящие высоко в небе, вызвали многочисленные вопросы.

Погасив светильник, выбрался из низенького шалаша, осмотрелся по сторонам. Сигналка ночью не срабатывала, но всё равно лучше осмотреться. Только вот такая перестраховка и помогает выжить среди местного контингента. Сколько

раз бомжи и бандиты пытались подкараулить, когда уставший и вымотанный до черноты в глазах выбирался из ржавых останков, и отобрать котомку с хабаром, да не вышло у них ничего. Один раз даже удалось завести их в заранее установленные самодельные ловушки, напрочь отбив охоту охотиться за собой. Тогда и получил непонятную кличку. Мангустом прозвали. Узнал потом, что зверёк этот невелик, но очень храбр и ловок. Это хорошо, не обидно, пусть обзывают. А по имени меня уже никто, кроме единственного в посёлке знакомого торговца и не помнит. Да.

И ловушки тогда какгодились. Хорошо потом поживился с бандитских тел, не рискнули их подельники лезть в ржавые рассыпающиеся железки и вытаскивать своих погибших товарищей из опасного места. Пригодилась и одежда и оружие. Оружие – это громко сказано, так, несколько плохоньких ножей и пару самострелов с короткими железными штырями. Ножи потом продал через того же торговца, а самострелы пока приберёг, пусть лежат, они есть не просят. Зато зимой можно будет с их помощью охотиться. Есть на кого. Да и не стоит продавать такие приметные вещи. Сразу слух пройдёт. Если пока меня только подозревают в гибели бандитов, то потом точно уверятся. И обязательно найдут. Вот ещё одна причина не попадать живому в их цепкие ручки, порвут, а остатки продадут. Это если не заставят бабачить на банду. Так и скрываюсь от всех. Хорошо ещё, что старый торговец не сдаёт никому, слишком давние и хоро-

шие отношения его с дедом связывали. Вот благодаря той памяти и стариковской дружбе и держусь. Ну и, конечно, вкопленным насмерть дедом навыкам. Спасибо старому.

Есть ещё одна непонятка в копилку многочисленных вопросов, на которые пока не нашёл ответа. Сколько различного добра за прошедшее время находили вместе с дедом на кладбище, одних только разнообразных ножей даже не пересчитать, среди них попадались настолько красивые и прочные, даже я это понимаю, огнестрела только не попадалось, но разнообразные патроны находились. Всё это сдавалось торговцу, и куда потом уходило? Ведь кроме нас все местные живут с этой свалки, уж себя-то могли обеспечить хорошими вещами, так ведь нет. Почему? Почему на острове только дрянные ножи и самострелы? Почему бандосы ходят с таким отвратным оружием? Ведь могли бы иметь что-то более подходящее им по статусу? Хотя, справедливости ради, есть у них хорошие вещи. И ножи, и огнестрелы. У верхушки. Вон сколько вопросов, ответы бы получить. Можно попытаться опять спросить в лавке, но так не хочется получить в ответ пожелание не лезть не в свои дела.

Сегодня день отдыха. Вчера вымотался до потери сознания, ползая по тёмным переходам, обдирая об иззубренный ржавчиной металл руки и колени. Даже перчатки и защитные щитки на ногах не помогали. Ладно бы нашёл что полезное, а так только одна труха. Один раз было обрадовался, когда наткнулся на остатки огромного рефрижератора, да только

радость та оказалась преждевременной. Драгоценные трубки прямо в руках рассыпались. От расстройства даже не стал дальше пробираться, разом силы закончились. А вот после ночи, отдохнувшему, умные мысли в голову и пришли. Надо будет по каютам пошарить, должно же там что-нибудь найтись? Каюты стоят закрытые, похоже, никто по ним не лазил. Иначе двери бы нараспашку стояли. Вот и радовался с утра. А ещё к морю обязательно пробраться надо. Есть там одно укромное место, куда редко кто забредает, потому что очень уж неудобно туда пробираться. Сначала нужно по каменистому склону спуститься к воде, потом долго прыгать с одного валуна на другой, оскальзываясь на подсыхающих водорослях, постоянно вглядываясь в набегающие волны, не таят ли они какой-нибудь угрозы. Такая тварь может из глубины вылезти, мало не покажется. Одна надежда на выученные заклинания. Можно их огоньком прижечь и отогнать. Не любят они его, опасаются. Зато на заветном месте под серой нависающей скалой, на каменистом пляжике можно набить котомку разнообразными съедобными ракушками. И рыбу половить, если есть такое желание. Рыбы в океане много, есть съедобная, а есть и ядовитая, которую даже в руки брать нельзя. И уйти из-под скалы необходимо до вечернего прилива, иначе не выплыть, сожрут морские твари.

У местных к морю отношение особое. Оно их кормит, оно их и убивает. Кто только в его глубинах не водится. Поэтому и не любят местные моря. Только фермеры с ним уживаются.

ся. И то сетями стальными огораживаются, контуры защитные ставят. Раньше часто гибли, а в последнее время приспособились, научились отбиваться. Видел издали как-то раз, как огромное морское чудовище на одну из местных ферм лезло. Такая стрельба была! Потом долго хозяйские лодки разорванные куски туши с воды подбирали. И правильно, нечего других хищников приманивать. Опять же еда хоть какая-то. Хорошо ещё, что в любимую бухточку таким монстрам хода нет. Мелко для них. Зато всяким ползучим змеям толщиной с бочонок и длиной в половину сухогруза или морскому крокодилу там привольно. Вот против них огонь милое дело. Не любят они его. Зато на них потренироваться в заклинаниях можно вволю. Не то что на общем берегу. Просто так ведь совсем не интересно, да и заметить могут. А тут нет никого, кто по своей воле и в трезвом уме по камням в воду ползет. Да никто, кроме меня, конечно. Что? Думаете сдурел? А вот когда на тебя оскаленная зубастая морда из воды выныривает, вот тогда и колдуется быстрее, и дополнительные силы на магию откуда-то берутся. То-то. Главное, до прилива успеть уйти.

Вот такие мысли болтались в голове, цепляясь одна за другую, пока сухое жилистое тело привычно пробирается на знакомое с детства местечко. Корабль может и подождать, никто не рискнёт лезть в эти дебри, а вот пустой живот ждать не будет и уже с самого утра недвусмысленно подгоняет своего хозяина к поискам необходимой для жизни пищи. Ни-

кто сегодня не потревожил меня, не помешал своим присутствием ловко пробраться по скользким мокрым валунам в сторону заветной бухточки. Аккуратно спрыгнул с высокого камня на мокрый галечник, провалился по щиколотку, выдернул намокшие ноги, перебрался на сухое. Тихо тут, от ветра и солнца скала прикрывает, в оставшихся после недавнего шторма лужах мальки шмыгают. «Ну что, посмотрим, что мне сегодня море подарило?» – с этой мыслью скинул с плеч котомку, развязал слабо затянутый узел и осторожно шагнул в сторону ближайшей лужи, осматриваясь по сторонам и вслушиваясь в монотонный рокот волн.

Сегодняшний выход оказался удачным. Расщедрилось море на подарки. Кроме огромных чёрных мидий щедро одарило огромными же гребешками и песчанками, нашлось и несколько склизких, пупырчатых морских огурцов. Будет жареная вкуснятина. От одной только этой мысли предательски потекли слюни и забурчал в предвкушении пустой желудок.

Пожалуй, на сегодня хватит. Ещё немного и вес получится неподъёмным. Торба почти доверху набита, теперь несколько дней можно о еде не переживать. А что касается сохранности, так эту проблему они ещё с дедом когда-то давным давно решили. Нашли старенький холодильник в одной из кают, подключили к нему несколько панелей, заряжающихся палящими лучами солнца... и всё работает до сих пор. Только берлогу пока пришлось со всеми работающими при-

борами оставить. Временно, надеюсь. Пока на сопке поживу, пусть внизу всё успокоится. А ночью можно и в своё убежище пробраться, выловленные продукты на хранение заложить. Пусть своего часа дожидаются. На день много не надо, десятка ракушек за глаза. И в шалаше недолго уже сидеть осталось.

С каждым новым днём всё реже и реже показывались на кладбище бандиты, похоже, пока оставили свою затею посчитаться с одиноким пацаном. После этого придётся удвоить осторожность, по дурусти палиться не хочется. А то, что в посёлке меня будут караулить, это факт. Ничего, все тропинки не перекроют, а расставленные сигнальные сторожки я издалека чую. Правду дед говорил, нет у бандитов сильного мага, не обхитрят они. Ничего, в поселке всё равно пока появляться не стоит, лучше обнаруженными каютами спокойно заняться. Вдруг что полезное найдётся?

Глава 2

Чтобы приготовить нехитрый ужин, пришлось уходить за сопку в густо заросший кустарником распадок. Только так можно было надеяться, что предательский дым от наскоро сложенного очага не выдаст временный схрон. Если раньше бандитов любыми посулами было не выманить за пределы посёлка или той же свалки, то сейчас кто их знает, на что они готовы пойти, дабы примерно наказать зарвавшегося наглеца, осмелившегося выступить против и оказать активное сопротивление. Да и кладбищенские бродяги за небольшой куш жилы вывернут, чтобы проучить чужака-оборванца. Поэтому готовить приходилось только с наступлением темноты и сразу на весь следующий день. Это сегодня так сложилось, что заготовленные в прошлый раз припасы как-то очень быстро закончились. Не рассчитал. Слишком уж вчера перенервничал, ползая в забитом спрессованным мусором тёмном нутре корабля. Особенно, когда обнаружил на верхнем ярусе не вскрытые каюты экипажа. Вот за размышлениями и переживаниями как-то незаметно и умял всю дневную пайку. И даже потом не понял, была ли та пайка или показалось.

Стараясь не высовываться из густого лапника, перевалил через гребень сопки и спустился к облюбованному месту. Осторожно тронул магическую сторожевую сеть, установ-

ленную в первый же день, потянул на себя разорванные нити, считывая с них записанную информацию. Дед учил, что ничего сложного в этом для мага нет, надо только постоянно тренировать свои способности. А сигнальная сторожевая сеть — это одно из самых простых и основных заклинаний, вроде того же светляка, которому в первую очередь обязательно обучаются все одарённые и поисковики. Но уже дальше всё зависит от способностей. Жаль, что дед не мог определить силу моего дара, и, вообще, с магией был в весьма непростых отношениях. Как иногда, в порыве откровенности, рассказывал, кое-что в него в юности вложили, а дальше развиваться не получилось, жизненные обстоятельства помешали. После этого надолго замыкался в себе и ничто не могло вывести его из этого состояния. Впрочем, замыкался ненадолго, на день, а к следующему утру уже привычно возился в берлоге, хлопая дверкой маленького холодильника и наполняя воздух вкусными запахами готовящейся пищи, кряхтел и тихо ругался, не давая мне досмотреть сладкие предутренние сны. Как же хотелось хотя бы во сне увидеть своих родителей и понять, откуда я появился на этом острове. На бродяг свалки ведь совсем не похож, ростом выше, в плечах шире, даже цветом волос и то отличаюсь. Местные все в основном черноволосые и смуглолицые, явные азиатские черты проглядывают, а у меня, как говорил дед, чисто славянский тип лица. Откуда старый такие мудрёные вещи знал? Теперь уже не расскажет. А магический дар, он ведь

только по наследству передаётся. Получается, родители были магами? Как тогда они могли пропасть? Впрочем, даже обученным магам против огнестрельного оружия долго не выстоять. Уж это-то Мангуст знает точно. Видел один раз в посёлке схватку мага с бандитами. На самой окраине дело было, понятно. Каким ветром в посёлок пришлого мага занесло, неизвестно, да только недолго он выстоял против самострелов и огнестрела. Бандитам, конечно, не поздоровилось, кого-то из них поджарило, а кого-то размазало по земле тонким слоем. Но и маг погиб. Слишком много их навалилось на него со всех сторон. Быстро защита схлопнулась, и всё, только брызги из пробитого тела полетели. А поселковые власти... Что они могут? А если и могут, то захотят ли разбираться? Маг пришлый, никто за ним не стоял, откуда взялся – никому не известно. А банда своя, прикормленная, вот все и сделали вид, что ничего такого не было. В посёлке об этом бое предпочли молчать и быстро забыть. Поинтересовался как-то один раз у торговца произошедшим, да получил резкую отповедь и больше не показывал интереса. Нельзя, значит нельзя. Излишнее любопытство далеко завести может и не всегда в нужную сторону, а портить отношения с единственным оставшимся нормальным человеком как-то не хотелось...

За размышлениями и воспоминаниями быстро испеклись ракушки, поджарились трепанги, и можно было гасить огонь и уходить в свой шалашик. Ещё раз проверив перед отхо-

дом сигналку, мало ли кого на запах навести может, потушил костерок и осторожно двинулся к временному пристанищу на противоположном склоне. С вершины оглянулся назад, убедился, что огонь погас, искры не летят в ночное небо, значит, и на этот раз повезло, выход остался незамеченным. Дым в ночи не видно, если только запах разнесётся, но что делать? Приходится рисковать и надеяться что в очередной раз беда пройдёт стороной. Сколько ещё можно будет скрываться, неизвестно. Рано или поздно всё равно кто-нибудь что-нибудь да увидит. Или оставленный по неосторожности след, или дым от разведённого костра, или почует запах готовящейся пищи. У бродяг нюх развился, что у диких зверей. Казалось бы, в их норах его вообще быть не должно, ан нет, редко кто с ними в этом деле может сравниться. Одно спасает, что ветер всё время дует в другую от свалки сторону, иначе давно бы обнаружили моё логово. И тогда останется только сражаться. Трофейные самострелы, нож и заклинания. Вот только не обучен я настоящей магии. Огнём научился немного владеть и то – однобоко. Сколько ни пытался сформировать огненный шар, ничего не получалось, какая-то размазанная лепёшка выходила. И летела не единым сгустком, а вытягивалась в воздухе, размазывалась в огненный поток. Про поток я, конечно, загнул. Больше на небольшой ручеёк походило. Впрочем, это дед постоянно ругался на неумеху, а меня и эта лепёха устраивала. Эффект есть? Есть. Что ещё надо? А с потерей деда вся учёба закончилась.

Повторял то, что успел узнать, а дальше дело не шло, потому что куда двигаться, не видел и не понимал. Чувствовал, что надо как-то по-другому магичить, а как? Ничего не получалось. И теперь, наверное, не скоро получится. Где я учителя найду? И чем расплачиваться за науку буду, если найду?

И отсюда всё равно надо будет каким-то образом выбираться. Не будет мне тут жизни, рано или поздно выловят. Хотя и велик остров размерами, два полных дня нужно, чтобы пройти с одного края на другой, а всю жизнь прятаться и скрываться не станешь.

Утреннее солнце только-только осветило горизонт, окрасив в розовый цвет тонкие ажурные облака в высоком далёком небе, а худая фигурка в мешковатом трофейном рабочем комбинезоне, топырящемся многочисленными карманами, осторожно скользнула вниз по склону, на грани слуха шурша мелким сухим песочком и ловко огибая прихотливо скрученные низкие коричневые ветви. На длинном, заросшим кедровым стлаником покатым спуске ни одна иголочка не дрогнула, не привлекла чужого внимания к осторожно пробирающемуся мальчишке суетливым качанием пышных хвойных лап.

Несколько раз за жаркое лето выгоняют бандиты бомжей на расчистку подходов к свалке, заставляют вырубать быстрорастущий кустарник. Но проходит неделя, другая, и всё снова зарастает буйной зеленью. Это мне на руку. Осторожно прокрался к разведанному в прошлый раз проходу, при-

слушался и осмотрелся. Вокруг тихо, никого. Хорошо, что заросли цветущей таволги вплотную подступают к свалке, можно будет спокойно вернуться с хабаром.

Раскинул вокруг магическую сигнальную сеть. «Пусть она быстро жрёт энергию, на дорогу в один конец хватит, а там успеет восполниться, пока буду по каютам лазить», – успокаивая сам себя, сделал первый шаг. Знакомыми переходами медленно двинулся вперёд. Торопиться никак нельзя. И посмотреть во все стороны надо, и прислушаться. Не говоря уже о магии.

Солнце уже вовсю жарило сверху, когда за очередным проржавевшим остовом показалась конечная цель трудного и долгого пути – треугольная дыра в борту сухогруза высотой в мой рост и шириной, позволяющей спокойно пролезть внутрь, наверняка проломленная острым носом какого-нибудь небольшого судна. Вон как их тут в кашу намешало... Никого за вчерашний день не было, оставленные метки остались нетронутыми, а ставил я их на самых удобных подходах к пролому. «То, что вокруг якобы никого нет, не даёт тебе никакого права расслабляться», – так постоянно учил старый дед. И я крепко впитал эту науку. Не задерживаясь, нырнул в тёмный лаз, шагнул вбок и замер, прислушиваясь и отчаянно пытаясь оставшимися крохами энергии посмотреть вперёд, усмиряя суматошно застучавшее сердце. Удалось. Никого. Можно облегчённо, медленно выдохнуть через сжатые зубы, чтобы не будить гулкое эхо. Только расслабляться всё равно

не стоит, кладбище хоть и считается относительно безопасным местом, но изредка разные твари и тут встречаются. Откуда они тут берутся и как появляются никто не знает, но то, что можно запросто нарваться, это все местные жители знают. А в последнее время и таких двуногих хватает.

Отдышавшись и привыкнув к сумраку, стараясь не оглядываться на исходящий ярким солнечным светом узкий треугольный проём за спиной, осторожно пошёл вперёд, аккуратно ставя ноги, ощупывая ступнями и растопыренными руками пространство перед собой. Не хочется налететь на всяческий хлам, которого в трюме хватает. Сумрак в нескольких шагах от двери превращается в непроглядный мрак, а хлама тут завалы. Идти тяжело, но надо, манит вперёд заветная добыча. От такого передвижения быстро накачивается усталость, но зато появляется возможность не привлекать к себе никакого внимания внезапно стронутой проскрежетавшей железякой или какого-нибудь с грохотом уроненного предмета. А это главное. Отдохнуть можно и потом, когда чуть-чуть вернутся магические силы, когда можно будет зажечь светляк, тогда и выбрать подходящее для короткого, но такого необходимого отдыха, местечко. Можно будет хотя бы на мгновение расслабить судорожно сжатую на рукоятке острого ножа руку, вытереть мокрую ладонь о комбинезон и отдышаться. Светляк разгонит и отодвинет давящую стену мрака, даст хоть какое-то ощущение безопасности. Впрочем, одна только мысль о нависающей над го-

ловой многометровой толще разнообразного трухлявого железа может вывести из себя кого угодно, а не только меня. Давят на корпус многочисленные остовы разнообразных кораблей сверху, заставляют его жалобно скрипеть, жалуясь на непомерную тяжесть. Доказательством такой толщи служит абсолютная чернота вокруг, нет ни одного пробивающегося пятнышка света, который в другом случае обязательно откуда-нибудь бы да высветился в разгар летнего солнечного дня. А тут темно, тихо, как в могиле... зато сухо. Очень сухо. Странно даже.

Кажется, можно попробовать. С облегчением щёлкнул пальцами, над головой загорелся маленький огонёк, разгоняя темноту и высвечивая разнообразный хлам вокруг, сверкая на мягком ковре пыли под ногами. Вот только при малейшем неосторожном движении эта пыль клубами взбивается вверх, струится серым дымом в лучах светляка, забивает нос и вынуждает громко чихать, что категорически нельзя делать. Мало ли кто снаружи услышать может. Эхо...

Вот и лестница. Теперь осторожно вверх, на второй ярус, именно там и находится моё будущее богатство. Перешагнув высокий порог с неподвижной зажатой распахнутой дверью, замер, по привычке шагнул в сторону и остановился, вслушиваясь и осматриваясь. Сияющий над головой огонёк засветился чуть ярче, разогнал тяжёлую стену давящего мрака, осветил длинный, уходящий в темень, коридор. Можно чуть-чуть отдохнуть и приступить к попыткам проникнуть

в каюты. Судя по заклиненной намертво входной двери попытки эти будут не так просты...

Вечером измученный, но довольный Мангуст осторожно возвращался к своему шалашу. Обычные меры предосторожности, долгий пологий подъём и вот он, ставший таким родным и привычным низкий шалашик. А хвоя начала сохнуть, надо будет обновить крышу. Свежих веток всего на несколько дней хватает – сушит солнце. Высыпав на пол добытое за день, осторожно приступил к осмотру, одновременно выдвигая из-под лежанки плетёный из таволги короб с припасами. Можно перекусить.

Завтра опять придётся лезть в тёмное нутро старого судна, шерстить оставшиеся каюты. Сегодня за всё время удалось с превеликим трудом вскрыть только три. Обязательно нужно взять с собой что-нибудь покрепче стального прутка, длины которого явно не хватало, слишком короткий рычаг получался. Заклинившие двери скрипели, осыпаясь рыхлой ржавчиной, вроде бы как шевелились, но сдвинуться категорически отказывались. Ничего, завтра откроются.

Прошедший день принёс хорошую добычу. Запертые герметичные двери отлично сохранили многие вещи, и теперь мальчишка с удовольствием перебирал руками пахучие бруски мыла в бумажной обёртке, тюбики с зубной пастой, несколько отличных, ещё довоенных, ножей. И ничего что они ржавчиной покрыты, отдраим. Мыло в руках расслаивалось, рассыпалось на мелкие кусочки, но это не страшно, до-

бавить чуть воды и можно будет размокшую массу слепить заново и высушить на жарком солнце. Закаменевшую зубную пасту можно растолочь и использовать вместо порошка. В посёлке, конечно, можно купить свежий, но и такой сойдёт, тем более, бесплатно. А вот с зубными щётками ничего не случилось. Как новые, только обёртку сними и можно пользоваться. Порадовали почти полной целостностью и несколько больших белых пушистых полотенец в целлофане. Одна упаковка оказалась надорванной и полотенце истлело. Жаль. Такая же участь постигла и остальное бельё в шкафчике. Наверное, положили влажным. Попробовал вытащить тощую слежавшуюся стопку с верхней полки, так она в руках на куски разломилась. Жалко. Можно будет снять со стен зеркала, мягкие лежанки. Нашлись и старые электроприборы. Теперь это дорогие вещи. Почему? А кто его знает. Но старый всегда радовался подобным находкам. Правда, редко они попадались. А тут почти в каждой каюте что-нибудь да есть.

Откинулся на лежанку, оглядел кучу вещей перед собой, уставился задумчиво в потолок, ещё раз перебирая в памяти все сегодняшние находки. И те, что лежат передо мной, и те, что остались в каютах. Всё нужно помнить. Если и в остальных каютах будет улов не хуже, то что с ним делать? Продавать торговцу потихоньку и помалу – можно спалиться. Кто-нибудь да узнает, пойдут разговоры, появятся желающие найти новый источник хабара. Нет, надо сдавать най-

денное сразу, оптом. Пусть и выручка будет меньше, зато всю сумму получишь сразу. Тогда можно будет подумать об уходе с острова. Договориться с каким-нибудь фермером, чтобы отправил с грузом ракушек – никто не откажется от лишних денег. С баркасами связываться не стоит, на причале меня караулить будут в первую очередь.

Заулыбался от одной только мысли о возможном бегстве. Неужели, наконец-то, увижу что-то другое, кроме этого острова? Нет, здесь всё хорошо, привычно, здесь дед похоронен, если бы не те бандиты, то жил бы и жил! А теперь надо уходить...

Уже почти заснул, как яркая мысль перебила сон: – Завтра он в последний раз пойдёт на так понравившееся ему своими нетронутыми богатствами судно! Почему? – предположения заметались в голове, оформившись в отчётливое воспоминание: – Очередная дверь открывается с пронзительным скрежетом проржавевших петель и треском отрывающейся уплотнительной резины, с подволока за шиворот сыпятся колючие бурые хлопья трухлявого отслоившегося железа и мелкая пыль истлевшей краски, старый корпус еле слышно, на самом краю ощущений тяжело вздыхает, долго поскрипывает уставшим за долгие десятилетия силовым набором, крепится из последних сил. Вот оно в чём дело. Опасно! Нет, завтра крайний раз и всё! Только начинать надо с капитанской каюты. Почему сегодня с неё не начал? Почему-то был полностью уверен, что никто и ничто не помешает спокой-

но копать в глубине кладбища, а тут вот оно как... Нельзя шутить с духами погибших кораблей, и если они загодя предупреждают, то это неспроста. Как бы не было обидно и как бы не душила жаба, завтра вскрываю командирские каюты и быстро убираюсь оттуда. Решено.

Сразу навалился сон, запудрил голову грёзами, отогнал тревожные мысли. Спал Мангуст и не ведал, что кладбищенские ищейки уже засекли его запах на свалке...

Третий раз он идёт натопанной дорожкой, внимательно глядя под ноги, всматриваясь в густой предутренний туман, как по заказу навалившийся на остров под самый рассвет. Хорошо, что ткань трофейного комбинезона плотная, иначе бы промок насквозь в первые же мгновения. Влажность такая, что по одежде стекают крупные капли конденсата. И не только по одежде. Со всех сторон слышится тихий шорох струящейся влаги, гулкий стук бьющих об железо крупных капель. Слух не поможет, на зрение тоже полагаться нельзя, потому как туман, осталось только использовать свои умения. Но в такой плотной водяной взвеси магия даёт сбой, энергия словно в никуда уходит, сигнальная сеть всего на десяток шагов работает, дальше не пробивает. Одна надежда, что в такую рань никто на кладбище обычно не появляется.

Перешагнув рваный, загнувшийся внутрь край знакомой дыры, отряхнулся от лишней влаги на одежде, прислушался. Тишина, только перестук капли вокруг. Поудобнее перехватил прихваченный ломик, тихо шагнул вперёд, зажигая

щелчком маленький светляк. Сегодня начнём с главного...

Всё, достаточно. Дальше нельзя искушать удачу. После капитанской каюты, казалось, уже исчерпан предел удивлению, так ведь нет. В просторном кубрике механика остановился и присел на широкую кровать, глядя на вытащенные из рундука предметы. Пришлось осторожно опустошить новый рюкзак, сожалея, что он так мало вмещает. Впрочем, с большим грузом лазить по тесным отсекам и дырам было бы сложно. В этот раз вбитая намертво привычка не набирать много оказалась задвинута в дальний угол. Теперь предстоит отобрать самое ценное и как-то уложить всё это богатство, взятое с двух кают. Дальше не стоит испытывать судьбу. Дед учил, что жадность, она искателей губит, и нужно уметь вовремя остановиться. Тогда будешь жить. Не всякий на это способен. Не верил ему, смеялся над плешивым, а теперь сидел и смотрел на кучу добра перед собой, вспоминал старого.

На удивление, вода не добралась до герметично закрытых кают. Если бы не ломик, не удалось бы мне открыть двери. Попыхтел, покряхтел, не без того, но, справился. В каюте капитана оказалось целое сокровище. Пара разобранных пистолетов, пустые магазины, всё это обильно смазано отвердевшей от пролетевшего времени смазкой и завёрнуто в целлофановые пакеты. А потом ещё упаковано в такой же непроницаемый плотный материал. И ещё один такой же тщательно завёрнутый свёрток, в котором обнаружилось длинноствольное оружие в такой же смазке с изогнутым ма-

газином и каркасным прикладом. Автомат, уж это я знаю. Ещё две не вскрытые зелёные коробки, железные, с патронами. И с ключом для вскрытия на каждой. Я даже не поверил своим глазам, когда потянул на себя заскрежетавшую дверку стального сейфа, и она всё-таки провернулась на своих шарнирах. И не соржавела насквозь. А внутри... Что такое огнестрел, я знал. Видел и слышал неоднократно. И читал. Была у деда интересная книжка. Там про разнообразное стреляющее было написано. И с рисунками. Вот по этим рисункам меня старый и обучал премудростям обращения с ним.

Другое дело, что стоил он, огнестрел, запредельных денег, и позволить его себе мог далеко не каждый. Поэтому вот так, живьём, я в первый раз пистолеты видел. С убитых бандюков тогда снял только ножи и самострелы. Даже им не всегда по карману подобная роскошь. Вот у фермеров с оружием не было никаких проблем. Ещё бы, они на снабжении у государства, им огнестрел положен для защиты своих угодий. А интересно, патроны сохранились? Вот бы проверить. Ладно, потом. С сожалением погладил рукой зелёную железную коробку, отложил в сторону. Тяжёлая. А таких две. Одна с автоматными, другая с патронами к пистолетам. Ничего, своя ноша не тянет.

Покрутил один пистолет, другой, освобождённый от целлофановой обёртки, поворошил детали. Попытался отскреести затвердевшую густую смазку, отложил в сторону. Надо отмачивать. Не удержался, взял в руки один, поприцеливал-

ся в лежащую на столе фуражку с золочёным крабом, потом в висевший на стене рисунок, с которого весело улыбалась какая-то женщина. Знаю, что нельзя такие вещи делать, да не удержался, как-то по мальчишески вышло. Потом прощения попросил на всякий случай. Повертел остальные детали. Ничего, отмочим, ототрём, соберём. Уж в книге об этом было подробно расписано. Лишь бы пружины не просели. Повертел магазин в руке, плотно смазкой забито, даже не стал пытаться проверять. Взял отдельно пружину, сжал её, отпустил, вроде нормально работает. Пока не соберу и не проверю, не узнаю. Буду надеяться.

Покрутил в руках, поиграл с тяжёлым оружием, отложил на кровать, задумался. Заглянул в сейф, вытащил кожаную кобуру для пистолета, маслёнку и ветошь. Ну да, с последним сталкивался постоянно и для чего всё это предназначено прекрасно знал, а вот с футляром пришлось помучиться. От времени кожа засохла, затвердела и ни в какую не хотела сгибаться. Клапан не открывался. Отложу, потом попробую размочить. Масло в маслёнке постигла та же участь, ну да это ничего, этого добра можно найти. У торговца. Как и керосина или солярки. А не получится, так и не страшно.

Задумался. С этой находкой автоматически поднимаюсь совсем на другую ступень в местной иерархии. Как бы. Вот только никто не будет с таким положением дел мириться. Ну кто я такой? Бомж со свалки. В розыске. Убьют и даже закапывать не станут. А какие возможности подобная наход-

ка открывает... Если только один пистолет продать, можно дальше год безбедно жить на всём готовом. Но и продавать нельзя, отогнал тут же возникшую крамольную мысль. Каким бы ни был другом знакомый торговец, а ради такого куша сдаст меня за милую душу. Даже сомневаться не приходится. Значит, остаётся только всё спрятать на сопке и договариваться с фермерами. Кто-нибудь да согласится переправить поближе к центру архипелага. А там уже будет легче. Там продам. Тут же сам себе и возразил, что не будет легче. Новое незнакомое место и люди, для которых он приبلудный чужак, которого проще грохнуть и выкинуть в море. Короче, с огнестрелом сплошные проблемы. И оставлять его в каюте не хочется. Такие находки раз в жизни бывают. Старый бы не оставил. Значит, придётся забирать и тайно тащить с собой. Выкрутимся как-нибудь, не в первый раз.

Покрутил головой, эка я размечтался, планов нагородил, а сам забыл, что ищут меня усиленно и какой мне теперь торговец? Сидеть нужно как мышь, тихо, без шума, и не высываться по глупому. Тогда есть шанс уцелеть.

Пока размышлял, поглядывал на цинки с патронами. Распотрошить бы, да зачем? Сначала разобраться с оружием нужно. Вот если получится довести его до ума, тогда можно и вскрывать патронные ящики. Столько времени лежали и ещё немного полежат, целее будут.

Так что пока всё найденное убираем к остальным вещам, буду перекладывать найденными шмотками. А вот широким

ременём опоясался. Вокруг тела обернулся, а застегнуть его не проблема. Можно подогнать. То, что жёсткий, так это хорошо. Ремень из числа трофеев, взятых в капитанской каюте. Сделан из какого-то материала, скользкого на ощупь и прекрасно сохранившегося. Заменяв им старую излохмаченную верёвку, которой подпоясывал мешковатый не по росту комбинезон, даже почувствовал себя значительно взрослее. Отложил в сторону свою торбу, посмотрел на найденный в шкафу трофейный рюкзак, решительно начал запихивать в него свои трофеи, оружие и коробки с патронами. Туда же отправились и электрические приборы для удаления волос с лица, дед называл их бритвами, два небольших проигрывателя для музыки вместе со стопкой блестящих круглых дисков. Потом проверим, сохранилось ли на них что-нибудь или нет. У торговца есть электричество от солнечных батарей. Если даже и нет, всё равно денег стоят, вон какие красивые. Блестят при свете светляка, зайчики по стенам отбрасывают, даже темнота отступила. Туда же отправились два бинокля, один большой, другой маленький, ножи и ещё куча разной полезной мелочёвки, которую просто выгреб из стола и шкафа. Одежду не брал, да и не было подходящей. Можно было прихватить тёплую куртку из такого же искусственного материала что и мой ремень, да больно уж много места в рюкзаке она заняла бы. Облизнулся на стоящие у двери высокие ботинки со шнуровкой. Взял в руки, а они такие же каменные, как и кобура для пистолета, не согнуть. Не стал связы-

ваться, так и оставил на своём месте.

Уже на пороге притормозил, оглянулся на рисунок, с которого улыбалась весёлая женщина, мысленно ещё раз попросил у неё прощения, кивнул благодарно сиротливо лежащей на столе пыльной фуражке и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

А во второй каюте пришлось присесть на мягкую кровать и хорошенько подумать. Второе главное богатство – большой ящик с разнообразными инструментами, покрытыми равномерным налётом ржи, наборами ключей и головок, трещотками и ещё всякими подобными прибабасами никак нельзя оставить. Огромные деньги по нынешним временам. Раньше бы такое мне в руки попало. Сколько можно было бы сил и времени сэкономить. Посмотрел на свои сбитые пальцы, поморщился от сожаления упущенных возможностей. И как быть? То нет ничего, а то сразу разом столько находок. В капитанском рюкзаке уже столько нужного металла, который не бросишь, и ещё это... Хоть за голову хватайся. И в шкафу запаянные в целлофан упаковки с какими-то вещами лежат. Вскрывать не буду, заберу, на сопке посмотрю. То что сохранились, это понятно, потому что на ощупь мягкие и выглядят хорошо. И это заключительная ходка, в другой раз сюда уже не придёшь. Вчерашнее озарение хорошо запомнилось. Просто так такие вещи не происходят, это дед мне крепко в голову вбил. Ломик придётся оставить, ничего не поделаешь. Ещё раз перебрал трофеи, освободил рюкзак и заново

переложил всё найденное. Взвесил на руках прихваченные электрические приборы. Оставить? Жаба не даст, она и так захлёбывается, на брошенное поглядывает. Утащить? Тяжело будет, придётся обе руки занять. А это угроза безопасности. Что делать?

Думаете, победил разум? Как бы не так – жаба. Всё, что не влезло в рюкзак, пришлось тащить в руках. Сколько ухватил. Постарался, конечно, хоть немного вес за спиной облегчить, вылив весь запас питьевой воды и съев всю двухдневную пайку. Да, тяжело, зато и место освободилось, и сил прибавилось. Припрячу излишки в трюме перед самым выходом. Потом как-нибудь заберу.

Уже уходя осмотрелся и не удержался, снял со стены чуть изогнутую ржавую саблю, с красивой рукоятью и витым шнуром. Потянул и висящие ниже ножны. Пригодится. Посмотрел виновато на висящий над ними рисунок с уса­тым мужчиной рядом с каким-то высоким животным на четырёх ногах, попросил прощения и разрешение воспользоваться чужой вещью. Так, на всякий случай. Прикрыл осторожно за собой дверь и двинулся на выход, перекинув ножны через плечо сбоку к рюкзаку. Так и пошёл, на спине рюкзак, спереди на груди музыкальный проигрыватель из капитанской каюты болтается, в правой руке ржавая сабля, а в левой ящик с инструментом.

Повезло что туман рассеялся, жаркое солнце прогрело землю, выжарило остатки сырости, поэтому и сигналка зара-

ботала в полную силу. Тревожный сигнал дрожью отозвался в измученных тяжким выбором хомячества мозгах почти перед самым выходом с лестницы в трюм, противно заныли зубы. Замер, осторожно присел перед высоким порогом, освобождая руки от вещей, медленно потянул с плеча лямку рюкзака, аккуратно шевельнул плечом, сбрасывая вторую, перехватил, опустил тяжёлую ношу под ноги, стараясь не брякнуть железом. Получилось. Хорошо, что вещами переключивался.

Ещё бы отдышаться хоть немного от непосильного груза. Тихо вокруг, ни звука. Если бы не сработавшая сигналка... Как чуял, светляк погасил перед поворотом. А засада, видимо, по отсвету и засекала, зашевелилась и обнаружила себя. Потянулся правой рукой к поясу за ножом, вспомнил что есть ещё сабля, плюнул мысленно. Левой опёрся на оставленный ящик. Досадно. Оружия полный рюкзак, и никак не воспользоваться им. И не готово оно. Да и как пользоваться, если опыта нет? Видел один раз издалека, когда на того мага бандосы нападали, и что? Теперь себя крутым бойцом считать? Нет, не выйдет. И шуметь тут вообще нельзя, очень уж всё вокруг такое ненадёжное, ещё схлопнется корпус, вон как потрескивает под непосильной ношей наваленных сверху корпусов. Остаётся только на холодное оружие рассчитывать. И магию. Времени бы побольше, чтобы ещё восстановиться. Лишь бы не почуяли меня, ищейки проклятые. Как нашли? Впрочем, теперь-то какая разница? И

плохо, что корпус судна не даёт рассмотреть, кто там снаружи поджидает, на улице, и в каком количестве. Пока есть возможность, нужно замереть и ждать. Восстановится резерв магической энергии, перестанут дрожать натруженные руки, голова, наконец, начнёт соображать.

И противник замер, тишина вокруг.

Вот, уже лучше, ушла предательская дрожь, голова начала думать, можно чуть-чуть вперёд продвинуться, осторожноенько так, не прекращая сканировать окружающее пространство. Запас энергии восстановился, можно и потратить немного, раскинуть магическую сигнальную сеть. Что тут у нас? Одно возмущение, второе, третье, дальше вообще какие-то непонятные всплески. Обойти бы их всех. Им же так же темно, как и мне. Ходили рассказы, что кладбищенские бродяги в темноте словно кошки видят, да только сказки это. Сколько с ними сталкивался и никогда этому подтверждения не находил. Что делать-то? В животе морозом кишки стянуло. Страшно до жути. Обложили. Тех бандосов просто за собой в ловушку завёл, а здесь сражаться придётся. Живым в руки лучше не попадаться. Может, всё-таки получится сторонкой пройти. А ищейки унюхают? Впрочем, промелькнула спасительная мысль, если до сих пор не обнаружили, значит, есть шанс. Слишком сильно в предыдущие ходки наследил, а трюм огромный, вот и запутались преследователи. Поэтому подхватил осторожно свои вещи, чтобы ненароком не брякнуть, нагрузился, и так же медленно, по сантиметру

буквально, начал двигаться вперёд, стараясь глаза держать в сторону от падающего в пролом света. А лучше их вообще закрыть, толку от них нет, буду на сигналку полагаться и передвигаться на ощупь, приблизительный расклад я знаю, находилась за прошедшие разы. Они же головами вертят, меня караулят, оглядываются постоянно. Стало быть, глаза светом из пролома у них засвечены, не увидят. А вот услышать могут. Но тут мне мягкая пыль в помощь. Может, потому и не услышали меня сразу, что шаги глушатся? А ещё повезло, что трюм большой. Поэтому очень осторожно, шажок за шажком буквально перетекаю вперёд.

Ближе к выходу чётче заработала моя сигнальная сеть. Удалось обойти ближнюю засаду. Повезло, что немного их. Дальше нельзя, начали волноваться, что-то почуяли, засуетились, головами закрутили. Замер, стою на месте, глаза так и держу зажмуренными, полностью на своей сетке сосредоточился. Как будто серый дым клубится передо мной и в нём чёрными пятнами выделяются мои враги. Первый раз такое увидел, от страха, наверное, способности усилились. Сам усмехнулся своим мыслям. Тут впереди непонятно что, а я радуюсь новым появившимся возможностям. Вроде успокоились, перестали вибрировать. Малюсенький шажок вперёд, ещё один. Перед проломом один караулит. И на улице ждут. Пара у самого пролома замерла. Нет выхода. И сдаваться нельзя. Отчаяние придало злости. Жаркая волна адреналина разом вытопила ледяной холод, выпрямила спину,

ударил в голову, отбросила все мысли, заставила действовать. И плевать, что вот так ни разу не сталкивался со своими врагами вплотную, что доселе ещё ни у кого не отбирал эту грешную жизнь. Те бандосы не в счёт, их я не своими руками прикончил. Только одно чётко сидело в голове и вскипевшая ярость усилила это чувство. Желание выжить! Или я, или меня, третьего не дано! Вся прожитая короткая жизнь этому учила.

Чёрное пятно рядом, отпускаю ящик с инструментом, в длинном выпаде резко тянусь вперёд, навалившийся на плечи рюкзак придаёт дополнительное ускорение. Железо в моей руке почти без сопротивления входит под рёбра ближайшему. Мерзкий хруст разрезаемой шкуры, пронзительный захлёбывающийся вопль, тут же сменившийся глухим бульканьем, и завалившееся на бок тело соскальзывает с клинка, сабля освобождается от тянущей вниз непомерной тяжести. Тут же опираюсь на неё, чтобы удержать равновесие и остаться на ногах. Выпрямляюсь с трудом, еле-еле пересиливая давящий вниз и вперёд объёмный груз за спиной. В уши врываются звуки глухого топота сбоку – из глубины трюма все двуногие хищники рванулись к проёму. Нос забило вонью немытого тела под ногами. Даже головой потряс от навалившихся чувств. Свет на мгновение заслонили два одновременно протиснувшихся с улицы тела, сбоку крест-накрест полосу ближайшее и, пригибаясь, зажигаю светляк. В пробегающих из глубины бомжей, сверкающих широко распах-

нутыми глазищами, пускаю свой самый сильный поток пламени и следом второй, чуть в сторону, в другое тело. Порубленный у проёма враг остался на ногах и теперь медленно разворачивается ко мне, сжимая в руках что-то острое. Или мне кажется, что медленно. Плавно поднимаю руку, с размаху бью его саблей куда-то в шею или плечо. Из глубины раздаётся дикий оглушающий вой, краем глаза вижу, как яркое пламя вспыхивает на трухлявой одежке сгорающих заживо людей. Всё замирает, кроме горящих в страшных корчах фигур. С усилием отвожу взгляд в сторону, подхватываю свой ящик и делаю шаг к выходу, отталкивая изо всех сил заваливающееся на второго бомжа тело и этим сбивая с ног обоих, задерживаюсь на мгновение, пытаюсь протиснуться вместе со всеми своими вещами в узкий лаз, поднимаю ногу, чтобы шагнуть на улицу, как слышу за спиной облегчённый вздох уставшего корабля, и он резко схлопывается под навалившейся сверху многотонной массой слежавшихся судов и разнообразного хлама. А меня тугой воздушной волной, словно пробку из бутылки, выкидывает из узкого пролома. Пальцы не выдерживают и разжимаются, выпуская резко потяжелевший ящик с инструментом. Вижу внизу пустую тропу, пролетающую подо мной узкую палубу и влетаю в панорамное разбитое окно какой-то очередной развалюхи. Тяжёлый рюкзак тянет вперёд, с треском шмякаюсь обо что-то, дыхание перехватывает, в грудь больно врежется проигрыватель. Падаю лицом вниз, что-то хрустит. На последних

остатках сознания пытаюсь перевернуться на спину, рюкзак не даёт, остаюсь на боку. Глаза заливают кровь из разбитого носа, с хрипом удаётся втянуть ртом живительный воздух, глотая солёную кашу, и замереть от накатившей слабости. На этом всё, голову закружило стремительным водоворотом, ласковая спасительная темнота окутывает сознание, прогоняя резкую боль...

Очнулся от страха – чьи-то острые зубы вцепились в горло, стараясь прокусить кожу. Махнул судорожно рукой, забрякало железо, кто-то возмущённо заверещал рядом, тяжёлая тушка спрыгнула с груди, позволяя вздохнуть, зацокали когти. Крысы. Ненавижу тварей. Глаза не открываются, склеились. Потёр пальцами, раздирая ресницы, счищая застывшую корку. Огляделся через получившиеся узкие щёлки. Шея сильно болит, но работает. Голова... Головой лучше не ворочать, каждое движение наизнанку выворачивает, мозги крутятся. Знакомое чувство, было уже такое, когда как-то поскользнулся на мокрой покато́й палубе и улетел вниз на утопанную землю. Хорошо, что жив остался и не поломался, только потом долго голова кружилась и мутило. Сотрясение, как сказал дед. Потом прошло...

Где это я? Память услужливо нарисовала картину короткого фееричного полёта, бой в темноте трюма, яркие факелы заживо сгорающих людей. Небольшое усилие опять вызвало головокружение и тошноту. Переждал, отдышался. Понятно. Не понятно только, почему до сих пор живой? Должны же

были быть наблюдатели в стороне, не бывает у бродяг по-другому. Или проморгали, или не заметили вылетевшего в клубах пыли тела? Может быть. Повезло. Опять замутило. Как это так меня выкинуло? Получается, корпус не выдержал и резко сложился под многотонным гнѐтом? И меня сжатым воздухом просто выкинуло через единственную дырку в корпусе, которую я как раз и заткнул своей невеликой тушкой? Да не может такого быть. Но я-то тут. Значит, может. Пусть с этим умные головы разбираются, а мне осмотреться надо.

Ладно. Руки работают, а спина? Осторожно попытался шевельнуться. Только попытался, самого движения не получилось, голова не дала. А спина отозвалась, и ноги целы, уж это сумел понять. От осознания степени везения бросило в холодный пот. Если бы было иначе, то лежал бы сейчас мешком, наблюдая, как от живого ещё тела отгрызают куски кладбищенские крысы. Сожрали бы заживо.

Осталось запастись терпением и отлежаться. Голова пройдёт и можно будет двинуться на сопку к своему шалашу. Глаза сами закрылись, только в ушах ещё долго слышался возмущѐнный писк хищников, оставшихся без добычи.

Ночью проснулся от сильного шума дождя. Жажда погнала вперѐд. Кое-как вывернулся из лямок рюкзака, ползком пробрался к высокому порогу распахнутой настежь двери рубки. Замер в изнеможении, в отчаянии перетащил руку через порог, с облегчением ощутил под ладонью холодный

бегущий поток. Зачерпнул, поднёс ко рту, облизал пустую, но мокрую ладонь.

Собрался с силами, подтянулся, перевалился, помогая и отталкиваясь начавшими потихоньку работать ногами. Упал прямо в ручей, тело запрудило поток, образовалась небольшая лужа. Зато можно было тихо лежать, просто открыв рот, и, проглатывая живительную влагу, с каждым глотком ощущать, как распрямляются ссохшиеся кишки, как смывается засохшая корка крови с лица, как полностью открылись глаза.

В свете полыхнувшей молнии разглядел напротив мерзкие усатые морды, жадно присосавшиеся к окровавленной воде и угрожающе посверкивающие бусинами выпуклых глаз на каждое моё движение. Ладно. Отдышался, приподнялся, сел, выпуская на свободу собравшуюся лужу, опёрся спиной о шершавое железо рубки. Переждал уже ставший привычным круговорот в голове, осмотрел себя и видимую округу. Недовольные крысы с писком разбежались.

Помогая руками, вытянул ноги поперёк потока, наблюдая за скапливающейся водой. Зачерпывая ладонями холодную влагу, окончательно умылся, подставил голову под ливень. Взыл от резкой боли, очень уж чувствительно холодные струи секли. Сдавленно ругаясь, осторожно отмыл от крови волосы, с облегчением ощущая, как успокаивается раскалывающая затылок боль, и закрыл глаза, проваливаясь в сон. Сил перебраться под защиту рубки уже не было.

Глава 3

Резкий приступ панического страха выдернул из сна, заставил суматошно дёрнуться, тут же ещё раз дёрнуться, но уже от навалившейся боли, и через выступившие слёзы быстро осмотреться. Зародившийся было болезненный стон так и остался глубоко внутри, на корабельном кладбище посторонние звуки не приветствуются. «Где мой шалаш?!» – не поверил своим глазам и только потом навалились воспоминания.

«Уф-ф», – облёчённо выдохнул, успокаивая выпрыгивающее из груди сердце, а глазами продолжал обшаривать узкую палубу небольшого катера, который дал мне временный и неожиданный для меня приют.

Потянулся рукой – ощупать многострадальную голову. Огромная мягкая шишка на затылке, а спина, ноги? Опять резкий приступ паники заставил неаккуратно дёрнуть ступнями, тупая волна боли прокатилась по ногам, поднялась по позвоночнику, заколола иголками затёкшее тело, успокоилась в районе плеч. Опомнился. Что я паникую? Ночью же всё работало, через боль, с трудом, но шевелилось. Сильно, видать, головой навернулся, что соображалка выключилась.

Огляделся ещё разок, заодно разминая шею. Жаркое солнце давно высушило одежду, о ночном ливне ничто не напоминало.

«Бр-р», – вспомнив о крысах, неосознанно потёр горло, ощупал пальцами. Вроде ран нет, повезло. Ненавижу их. А где рюкзак? Облокотился на правую руку, наклонился, заглянул в дверной проём. Затёкшее тело мгновенно отреагировало на движение, снова закололо иголками, закрутило мышцы, поплыла голова. Отдышался. Ага, вот он лежит. Чуть дальше, у стены, валяется сабля с почерневшим от крови изогнутым клинком, так выручившая меня ночью. А это всё, что осталось от проигрывателя? «Раздавил его, когда упал вперёд», пришло воспоминание. А что меня так напугало? «Ой-ё. Я ж сигналку не выставил». Напрягся, переждал очередной приступ резкой головной боли, бросил вокруг магическую сеть. Вот оно что! Чужие. Бродяги. Внизу шарятся, пытаются разобраться в произошедшем. Повезло мне, что ночной дождь смыл все запахи. И меня отмыл. Иначе бы точно обнаружили. И вдвойне повезло, что не стал копошиться и поднимать шум. А на такую верхотуру не полезут, забоятся, да и никому не придёт в голову, что я могу тут находиться.

Наконец-то окончательно проснулся. Мозги всё ещё плавали, глазами не моргнуть, веками, такое ощущение, что этот корабль, на котором нашёл неожиданный приют, поднять пытаюсь. Чуть пошевелился, вроде мышцы начало отпускать. Опять потянулся к затылку. А ведь мог и голову расколоть. Спас набитый рюкзак за спиной и то, что прогнившее железо рубки расслоилось и вспученные пласты ржавчины

и старой краски немного смягчили удар. Но всё равно больно. Да сейчас вот пришлось помагичить. Теперь нужно как-то осторожно убраться в рубку, там хоть солнце не печёт, и защита какая-никакая. И не на виду у всех. Душно, конечно, будет, но зато не на пекле. Самое главное – с открытого места уберусь. Внизу затихли, похоже, ушли отсюда. Собрался с духом, сжался. Понимаю, что больно будет, а надо убедиться, что бродяги ушли. Придётся потерпеть, надо сеть раскинуть. Точно, ушли, никого. Отпустил заклинание, закрепив на себе самый кончик, расслабился.

Успокаивая хаотично прыгающие мысли и вчерашние воспоминания, медленно пополз на четвереньках в тень, на всякий случай стараясь не шуметь. «Работают конечности, ничего не повредил, не сломал», – снова торкнулась равнодушная мысль, пробилась через волны тошноты и боли.

Кое-как перевалился через высокий порог, осторожно примостил многострадальную голову на рюкзак, выбирая местечко помягче, отдышался, дрожащей рукой смахнул с лица крупные капли пота. Душно, зато тень, солнцем не жарит, уже легче. Надо отлежаться. И попить бы, да нечего. Жаль. Придётся помучиться.

Просыпался часто, судорожно хватался за кончик сторожевой сети, проверялся и падал в забытие. Или сон, сам не понял. Очередное пробуждение принесло некоторое облегчение. Ночь, прохладно. Пить хочется. Сполз с рюкзака, потянулся лицом к холодному железу, лизнул распухшим язы-

ком. Ржавчина. Только хуже стало. И сплюнуть нечем. Тихо вокруг, никого. Осторожно попытался встать на ноги, преодолевая предательскую слабость мышц, боль и круговорот мира вокруг моей многострадальной тушки.

Медленно двинулся вниз по накренившейся палубе, цепляясь за металлические поручни, уткнулся в ребристый борт, осмотрелся. Побрёл вправо – ничего, влево... В самом конце поблёскивает звёздами знакомая манящая чернота. Сломались колени, ударился руками о холодное железо палубы, хрустнула вспученная краска; перебарывая приступ головокружения и боли, пополз вперёд. Подобравшись вплотную к пятну, упал на живот и потянулся губами к тёплой воде. Так и думал, что где-нибудь в тени стараниями ночного ливня останется дождевая лужа, которую жаркое дневное солнце не успеет высушить. Оторвался, полежал, отдышался и снова присосался к живительной влаге, напрочь игнорируя металлический привкус. Окунул голову, с удовольствием ощущая, как успокаивается, затихает звенящая круговерть в мозгах.

Так и пролежал в этом углу до самого утра. Несколько раз прибежали крысы, косились, пили и исчезали по своим делам. Уже в бледных предрассветных сумерках собрался с силами, вернулся к своему рюкзаку, взял пустую флягу и вернулся за водой. Повторения мучений прошедшего дня не хотелось. За ночь полегчало, но ещё бы денёк отлежаться. Мелькнувшая мысль о еде тут же вызвала сильный приступ

тошноты. Да ну её. Не в первый раз голодать, потерплю.

Наконец-то смог по нормальному осмотреть своё пристанище. Небольшой аккуратный кораблик, весь какой-то округлый, прилизанный. Потому-то и забросило его на самый верх, что лёгкий. Искатели постарались, ободрали всё, что можно. Спуститься вниз, в кубрик? Может, там прохладнее будет? Потянул за собой рюкзак, подхватил саблю. А где ножны? Испуг пробежался мурашками по спине, прогнал ноющую боль и принёс мгновенное облегчение. Голова перестала гудеть. А-а, вот и ножны, я же их сам отбросил, когда от лямок рюкзака освобождался. Успокоился, тут же вернулась боль. Подобрал потерю, стараясь особо не наклоняться, а аккуратно приседать, подошёл к тёмному проёму двери, посмотрел на уходящий вниз трап, шагнул через высокий порог.

Небольшое помещение, стол посередине, даже занавески на четырёх круглых иллюминаторах сохранились. Пусть висят, не буду трогать, ещё рассыпятся. Прилёг на узкий диван, привычно устроив рюкзак под голову. Саблю с ножнами на стол положил. Закрыв глаза, расслабился, потянул на себя ниточку сигналки, проверил обстановку вокруг и спокойно заснул.

Да, внизу было не так жарко и душно как наверху. Если бы ещё иллюминаторы открыть... Пролежал до вечера, вода за день закончилась, надо выбирать. Голова уже почти не кружится, болит сильно, но это можно терпеть. С сомнени-

ем посмотрел на рюкзак, оставить или нет? Потом вернуться и забрать? Да ни за что! Помру, но утащу! А то запросто приберёт его какой-нибудь заблудший бомж, и прощай мои надежды на другую жизнь.

Долго спускался с покорёженных остовов, но кое-как выбрался. Тихо вокруг. А мусору-то, мусору сколько навалило... Это что, почти весь хлам из трюма схлопнувшегося сухогруза через пробоину выдуло? Похоже на то. А мой ящик с инструментом? Вспомнил, как предательски разжались пальцы, выпустив железную ручку. Поискать? Нет, потом вернусь. Если его завалило, то надо копать, а сил нет. И нести не смогу, рюкзака достаточно. А если его обнаружили кладбищенские бродяги, то тратить последние силы на пустую работу не хочется. Потом, всё потом. Побрёл потихоньку, шаркая ногами, нещадно потея, хотя, чем потеть-то? Воды в организме не осталось. Даже по маленькому за всё это время ни разу не сходил.

К счастью, никто навстречу не попался, сигналка не дрожала, живых в округе не было. Но расслабляться не стоит, на открытое место лучше не высовываться, вдруг где-нибудь в стороне наблюдатели сидят. Через заросли выбрался на склон, побрёл в сторону шалаша на подрагивающих ногах, часто останавливаясь и отдыхая.

Выкатившееся на небосклон солнце застигло на полпути к временному пристанищу. Остановился в очередной раз, надо отдышаться. Оглянулся назад. Лежащая вдали свалка

дрожала в потоках прогреваемого воздуха. Подтянул лямки, поправил тяжёлую ношу за спиной, упрямо полез дальше. Уже на самых подступах ещё раз остановился, осмотрелся. Тихо вокруг, птички поют, море синее далеко внизу и... никого. От пряного смолистого запаха разогретой хвои отступила головная боль. Это хорошо.

На входе всего осыпало пожелтевшими иголками. Попавший за воротник мусор начал колоть вспотевшую шею. Ведь собирался настил менять да не успел, а теперь и сил нет. Надо уходить, жёлтое пятно шалаша будет издалека видно. Кто-нибудь да заметит.

Присел на лежанку, обессиленно бросив рюкзак под ноги, выцарапал из-за шивороты прилипшие к мокрой коже иголки. Впрочем, зачем уходить? Проще будет сам шалаш убрать. Ничего со мной не случится, полежу под открытым небом. Ночи тёплые, если дождь пойдёт – не размокну.

Так и сделаю. Старые, осыпающиеся при любом движении высохшие ветви можно спрятать под плотную крону стланика. Только сначала надо поесть. И поел. Кое-как. Ракушки не лезли в горло, уже начиная попахивать, резиновая масса противно скрипела на зубах, проглотил с усилием. Остатки трепангов пошли лучше. Теперь можно поработать.

Закончив разборку шалаша, остановился, огляделся. А что я переживаю? Можно и мне вот так же залезть под плотный полог зелёных ветвей и отлежаться. Надо только в другое место перебраться, чуть в стороне. Так и сделал, затащил

лежак в удобную неглубокую вымоину, перенёс сюда же все свои припасы, завалился под ароматную колючую крону, закрыл глаза. Устал.

Так и провалился весь очередной день, отлёживаясь и подъедая запасы. Чистый морской воздух, насыщенный ароматами кедровой хвои, сделал своё целебное дело, и к заходу солнца я чувствовал себя гораздо лучше. А уже после спокойно прошедшей ночи можно было начинать заниматься первоочередными делами.

Для меня сейчас самое главное осторожно пробраться к месту разрушения и поискать свой, а я уже считал этот ящик своим, набор инструментов. Удастся найти его или нет, но на обратном пути обязательно надо заглянуть в нашу с дедом берлогу, забрать кое-что и хотя бы просто попрощаться с тем местом, что столько лет давало мне приют. А после этого хорошо бы было наведаться в знакомую бухту и восполнить запасы ракушек. Если останется свободное время до прилива, то можно будет и рыбки наловить.

За размышлениями незаметно прикончил остатки ощути-мо припахивающих ракушек, запил остатками воды из своих запасов, посмотрел на неразобранный рюкзак. Ну не было у меня сил заниматься найденным добром. А сейчас вроде бы силы появились, так времени не стало. А спрячу я его подальше в кусты, так, на всякий случай. И саблю оставляю. А самострел, один из двух, возьму с собой. Само собой, и нож из найденных, самый удобный для меня, который мне по-

нравился своей завораживающей простотой. Как-то раньше я особо не заморачивался со своим снаряжением. Для ползания по кладбищенским остовам хватало и любой плохонькой железяки, лишь бы она была более или менее заточена. Это уже гораздо позже, когда начались конфликты с кланом бродяг, а потом и с бандосами, тогда и пришлось задуматься об оружии, сожалея об упущенных в своё время полезных находках.

Потянулся к твёрдым ножам, ободрал плотный целлофан упаковки, потянул за бочкообразную рукоять. Почему не выходит? Приржавела? Да нет, тут фиксатор стоит, нажать надо. Разобрался. Глазами прикипел к чёрному матовому лезвию с лёгким рыжим налётом ржавчины, покрутил в руке, выложил на ладонь. Ногтем большого пальца осторожно шаркнул по лезвию, полюбовался на результат, тихонько сдул с клинка мелкую пыль. Открутил круглую заглушку на рукояти, внутри пусто. Закрутил, повертел ножом – ух, как нравится. И удобно. Небольшая крестовина не даст руке соскользнуть на лезвие при сильном ударе. А лезвие хорошее, в две моих ладони и в меру широкое. Клинок в ножны, щелчок фиксатора, и на ремень. Удачно сходил. Если бы не проклятые бродяги, может, удалось бы ещё что-нибудь вынести. Вынюхали всё-таки. Как ещё сюда не добрались? Тут же укусил себя за глупый язык – разболтался, ещё притяну врагов глупыми словами.

Перепрятал и замаскировав своё имущество, собрался в

дорогу, огляделся вокруг внимательно, подхватил заряженный самострел и осторожно заскользил вниз по склону, пригибаясь в меру своего самочувствия и стараясь не потревожить колючие ветви.

Что сказать? Сегодня мне и повезло, и не повезло вдвойне. Почему? Ну, во-первых, свой ящик с инструментами я нашёл. И, наверное, слишком обрадовался своей удаче. И от этого расслабился. Иначе чем можно объяснить тот факт, что забыл раскинуть сигнальную сеть на обратном пути? Вот и во-вторых. Были наблюдатели, были. А я сдуру, на радостях от находки, обо всём позабыл, попёрся прямо к своей берлоге и потащил их за собой. Уже на самом подходе опомнился, бросил заклинание и покрылся холодным потом. Вот он, вход передо мной, а на хвосте враги. И делать что-то уже поздно, чувствую приближение подмоги к немногочисленным пока бродягам. И не вещей жалко, самое ценное я давно вытащил и спрятал на сопке, а то, что по нашему с дедом жилищу будут грязные и вонючие бомжи ползать, трогать своими лапами наши вещи, сидеть на наших лежаках и за столом. Жаль, что затупил, одно только оправдывает, голова до сих пор болит.

Нет, берлога всё равно никому не достанется! Кривым извилистым проходом проскользнул к замаскированному жилищу, откинув в сторону разнообразный хлам на входе. Раздавшийся грохот уже никакого значения не имел, незачем прятаться и скрываться, поздно. Двумя быстрыми движен-

ями раскрутил проволоку на двери, распахнул настежь. Ловушки за порогом даже не стал снимать, пусть остаются. Может, кто и попадётся из моих преследователей. Бросил прощальный взгляд внутрь и сразу же, не раздумывая, метнул один за другим два сильных потока огня. Поваливший из всех щелей дым и треск весело разгоравшегося пламени подтвердили успех задуманного. Потом переживать буду, а теперь ходу отсюда. Оставив дверь открытой для лучшей тяги, бросился вперёд, в короткий тупичок, сдвинул в сторону тяжёлый кусок толстой водоустойчивой фанеры, задержался в открывшемся низком проходе, обернулся, поднял самострел. Ждать долго не пришлось. Первый же выскочивший из-за поворота бомж получил остро заточенный стержень и завалился назад, хватаясь за грудь и что-то сдавленно хрипя. Следующего ждать не стал, нырнул в тёмный зев запасного лаза, всей спиной ощущая нарастающий шлёпающий топот, через десяток прыжков потянул за проволоку над головой, повис всем телом, услышал грохот обвалившегося мусора позади и сдавленную яростную ругань, затихающую по мере нарастания завала. А вы что думали? Всё будет так просто? А нифига! Сколько я времени угрохал, готовя ловушку и стаскивая разнообразный хлам наверх. Пригодились мои труды.

Извилистым тёмным лазом ушёл подальше, перезарядил самострел, вынырнул в неприметном месте, отодвинув в сторону точно такой грязный и тяжёлый лист. Никого вокруг. В соседнем проходе чувствуется суета, а впереди пока ти-

хо. Пока пробирался по лазу, прикинул ,что возвращаться на сопку мне сейчас никакого резона нет. Лучше уйти в противоположную сторону, к бухте, всё равно надо пополнить запасы продовольствия. Ящичек только поглубже припрячу. Если бы не сигналка, не выбрался бы. Не кладбище, а разворошенный муравейник. И разворошил его я. Никогда столько бродяг не видел, все выползли на охоту за мной. И бандиты подтянулись. Мало того, что наблюдателей выставили почти на всех перекрёстках, так и мелкими группами туда-сюда ходят. Только не учли, что я в этой части кладбища все проходы знаю, все щели, разломы и пробитые кем-то давно дыры, и по проходам мне ходить совсем не обязательно. Так что я ушёл. Времени это заняло практически до самой темноты. Несколько раз чуть было не вляпался, чудом от стрельбы удержался. Как меня не обнаружили, сам не понял. Просто повезло. Ушёл.

Ночью к морю лучше не соваться, придётся заночевать. И не на кладбище, а чуть в сторонке, в кустарнике. Нашёл небольшую промоину, завалился на жёлтую глину, закрыл глаза. Спал тревожно, даже не спал, а дремал вполглаза, чуть-ко держась за кончик сигнальной сети.

Этой ночью окончательно утвердился в своём решении уходить с острова. Надо навестить торговца, сдать товар и договориться с кем-то из фермеров. Надеюсь, мне повезёт – они в поселковые дразги не вникают, живут сами по себе. Осталось подождать, когда немного схлынет острота моих

поисков. А хорошо бы было, если бы все решили, что я в том лазе после обвала хлама сгинул. Мечтатель. Не решат.

К полудню я уже был в знакомом месте. Уединённая бухта обрадовала безлюдьем и пустотой в округе, море после дождя успокоилось, муть осела, в светлой и прозрачной воде можно было рассмотреть тёмные силуэты рыбин. За камни не выходил, попусту рисковать нельзя, там вода сразу резко темнеет, глубоко. А если глубоко, то и морские твари вольготно себя чувствуют. Выпрыгнет из воды харя величиной с рубку того катерка, где я отлёживался, и за один раз схарчит. От них можно отбиться, если готов к нападению и есть куда отступить. Очень хорошо огонь помогает, как я уже говорил. Один раз, как-то давно в детстве, я попробовал молнией тварь ударить. Морское чудовище я отогнал, но этого уже не увидел. Повезло, что не один был. Как дед меня после этого откачал, не знаю, но с тех пор в воде я разрядами не пользуюсь. И вообще не пользуюсь, опасаясь, одного раза хватило...

Достал снасти, скovyрнул с камня морскую улитку, тут же её разбил, насадил на крючок, забросил. Ждать почти не пришлось, резкий рывок, такая же подсечка, и на галечнике трепыхается неплохая рыбина. Дед называл её навагой. Оглушив добычу, повторил заброс и скоро вытянул ещё одну тушку. Достаточно. Костёрок разводить не буду, мало ли кто дым учует, придётся есть сырое. Впрочем, не в первый раз. Напластал тонкими пластинами, присолил, посыпал перцем,

можно есть. Уж соль и перец всегда со мной, ношу небольшой пакетик, плотно завёрнутый. Торговец так и продаёт, в целлофановой упаковке. Так и приговорил одну рыбину, вторую оставил на потом. Потроха выкинул в воду, налетели мальки, весело засверкали серебристыми боками. Присел на камень, засмотрелся на задорную круговерть.

Тревожно задрожала сигналка, спохватился, поднял голову, отскочил назад, разбрызгивая воду, судорожно зашарил рукой по поясу, стараясь выдернуть нож. Забыл про фиксатор. Какой нож, самострел надо хватать! Отбежал под скалу, хрустя галькой, подхватил оружие и обернулся, в полной готовности помочь себе потоком пламени. Морской крокодил почти вылез на камни, медленно двинулся ко мне, проваливаясь между валунами в накатывающие волны, на миг застревая и тут же всплывая. Может, окончательно застрянет? Ну, лапа провалится или хвост, к примеру? Это хорошо, что шучу, значит, не всё так серьёзно. На камнях у него шансов нет. Это на ровной поверхности от него не отбиться, и в воде тем более, а тут я сильнее. Хотя бы убежать смогу. Но и подпускать близко нельзя, прыгнуть может. Мелкими шажками иду вперёд, выпускаю тонкую струю пламени в морду зверюге, вынуждая его остановиться и раззявить зубастую пасть. Вот теперь пора. Острый стержень самострела проскакивает между огромными кривыми зубищами. Крок замирает на секунду и... начинает судорожно вертеться, лупит бронированным хвостом по воде и камням, щёлкает мощными челю-

стями. Веером летят во все стороны солёные брызги. Слышу отчётливый хруст костей, значит, лапа точно сломана, а может, и не одна... если повезёт. Перезаряжаю самострел и замираю. Куда стрелять? Эта туша сейчас слишком подвижна, надо выждать. И отойти подальше, под скалу.

Похоже, мой первый выстрел оказался удачным. Постепенно агония затихает, судорожно подёргивающееся тело замирает. Взмаламученная вода успокаивается, и я делаю шаг вперёд, отрываюсь от нагретого за день камня.

И тут же отпрыгиваю назад, под защиту скалы. Кровь из поломанных и порванных лап приманила более сильного и здорового хищника. С разгона на камни вылетает длинная блестящая туша, проскальзывает по мокрым водорослям прямо к замершему чудищу и вцепляется зубастой пастью. Широкими плавниками с острыми когтями упирается в валуны и мощным рывком уволакивает крокодила в воду. Перед самым погружением пристально вглядывается большим круглым глазом в мою сторону, но меня уже не видит. Меня там уже нет, я распластался на гальке, слился с местностью, я камень, водоросль, не живой совсем. Только так можно отвлечь от себя злобное голодное внимание.

Напоследок мутант с грохотом бьёт хвостом по воде, поднимая высокую волну и смывая остатки крокодиловой крови с камней. Брызги чуть-чуть не долетают до скалы, под которой я так и лежу, судорожно продолжая одной рукой стискивать самострел и почему-то другой рукой мокрую чёрную

гальку. Через миг ничто не напоминает о только что произошедшем сражении. Кроме медленно высыхающих под жарким солнцем камней и моих дрожащих конечностей. Связываться с мутировавшей акулой себе дороже. Ни разу не видел, чтобы они из воды выпрыгивали. Что-то день сегодня богат на события.

И как-то сразу пропало желание немного задержаться на знакомом берегу. Через раз озираясь на волны, быстро собирал ежей и моллюсков, завернул в широкий мясистый лоскут морской капусты-ламинарии пойманную рыбку, попутно забросил в котомку большого краба, растопырившего длинные колючие и когтистые лапы, так и норовившего вцепиться в руки своими мощными клешнями, и, прижимаясь к скале, поспешил выбраться с негостеприимно настроенного сегодня берега. Дотемна надо уйти в глубь острова, найти укромное местечко и переждать пару дней.

Вынужденный отдых помог распрощаться с головной болью. Если бы не переживания об оставленном без присмотра добре, то вообще можно было бы тут сидеть до посинения. Поселковые по острову не любят бродить. Кладбищенские бродяги за пределы своей свалки не выбирают, а остальные... А кто его знает, чем они занимаются. Который день меня занимает один вопрос, почему к моим поискам не привлекут какого-нибудь умельца? Есть же маги в посёлке? Неужели бандосы не могут с ними договориться? Или считают, что никуда я с острова не денусь и рано или поздно,

а попадусь в расставленные сети? Может быть. Пока меня спасает отличное знание корабельного кладбища, кое-какое знание магии и... везение. И если на первые два ещё можно как-то рассчитывать, то на последнее уповать не стоит. Что-то последние события заставили резко повзрослеть. Или очень сильно башкой ударился, вон как научился вперёд думать. Потёр рукой медленно спадающую шишку на затылке, чешется, зараза.

На исходе третьих суток пробрался к своему схрону и выгреб всё имущество. По пути заветный инструментарий забрал. Сверху со склона сопки осмотрел в большой бинокль раскинувшееся подо мной кладбище, обрадовался снижению активности моих поисков и тут же себя охладил очередной умной мыслью: если их тут мало, значит, все меня на подступах к посёлку караулят.

Полежал на склоне пару часов, понаблюдав, нового ничего не заметил. Надо убираться отсюда. Куда? А через остров к противоположному берегу. Вряд ли меня там искать будут. Как бы нечего мне там делать, да и нет там ничего. Вся местная жизнь к посёлку привязана и к свалке. И основной вопрос перед уходом – нужно ли мне к торговцу пробираться? Весь затык только в деньгах, точнее, в их отсутствии. Может, ну его? Еда для меня не проблема, это поселковые на всём готовом живут, кроме рыбалки. А по берегу они стараются не шастать. Как и бродяги. Те вообще дальше границ свалки не выходят. Решено. Торговца побоку, берём направление на

противоположный край острова и вперёд. Только вещи собрать и переложить. Унести бы всё... Оставлять жалко, с таким трудом добывал. Тут же оборвал свои мысленные причитания. Ноги бы унести, а я о старом барахле думаю. Ну, да, денег оно стоит, а моей молодой жизни? Нет, не стоит. Поэтому беру самое ценное для меня и, не спеша, осторожно ухожу.

Перевалив гребень сопки, пригибаясь на всякий случай, остановился, выпрямился уже на обратном скате и обернулся, прощаясь с прошлой жизнью, знакомыми, но так и не ставшими родными местами, с дедом, который заменил мне родителей и учил меня всему, что знал и умел сам. Поправил лямки рюкзака, саблю, бинокль и шагнул вниз по склону в распадок. Тяжело, да не привыкать. Рюкзак битком набит, сверху пристёгнуты одежда и одеяло. Много набралось разной мелочёвки. На всякий случай прихватил с собой один проигрыватель. Может, удастся заинтересовать какого-нибудь фермера на северном побережье и заплатить ему за провоз до архипелага? Посмотрим.

Глава 4

В распадке набрал чистой воды, теперь вода будет только ближе к вечеру, нет пока впереди никаких ручьёв. Вскраб-кался по крутому склону, на гребне ещё раз оглянулся. Тяжко уходить. Над свалкой так и тянется в небо тонкая струйка серого дыма, уходит в сторону океана, пропадает в синем просторе. Перестарался я. Уже три дня прошло, а так и дымит бывшая наша с дедом берлога. Первый день чёрный столб густого дыма шёл, а со второго уже так, остатки, но до сих пор что-то тлеет. Хватает разного хлама. За поджог меня точно по-любому найдут. А нечего было за мной охотиться. Сами теперь расхлёбывайте.

Поправил рюкзак и начал длинный спуск вниз. Ушла дымом в небо вся моя прошлая жизнь, начинаем новую. Больше не оглядывался, уже не до того было. Тяжёлая ноша, отсутствие каких-либо троп, густо заросший склон. Внизу деревья, а выше – стланики. Через буйную зелень приходилось буквально продираться. Тут мне тяжёлый груз помогал. Идёшь вперёд, перед грудью плети разнообразных лиан собираются, тормозят, шагу не дают ступить. Вперёд наклонишься, почти ляжешь на плети, и они начинают рваться, расходиться. Только так и продирался, по нормальному сил бы не хватило пройти. Резать ножом или саблей рубить? Пустая затея, руку отмашу. Хорошо ещё, что такие зарос-

ли только вниз, в распадках, потом, по мере восхождения, растительности становится меньше и меньше, идти одно удовольствие, и появляется ветер. Продувает мокрую одежду, сушит выступивший пот, сдувает жалящих комаров. Даже отдохнуть можно, не то что вниз. И оводов нет.

После второго распадка остановился, сил дальше пробираться не было. Разбил лагерь, выбрал неплохое место возле каменной осыпи. Спрятался за валунами от любопытных взглядов. Ну и что, что местные сюда не забираются, а вдруг заберутся? А так не видно меня. Одно плохо, змей вокруг много, ну да я ночевать не собираюсь. Посижу, отдохну, потом и дальше пойду. На ночь место надо будет заранее присматривать. Мне и поохотиться нужно, запасы мои подходят к концу. Вот как раз и пригодятся эти змеи. Мне их живьём ловить не требуется, риска никакого, палку вырежу покрепче и подлиннее, и на охоту. Саблей, конечно, можно было бы воспользоваться, да как-то не по нраву мне. Думаю, что тому хозяину, из каюты, это бы точно не понравилось. А хороший прут, он вместо сабли сработает.

Охота не задалась. С превеликим трудом прикончил одну змею, и то пришлось за ней побегать. Распугал их кто-то, похоже. Осторожнее мне надо быть, не один я тут двуногий. Но моя сигнальная сеть молчит. Теперь я с ней не расстаюсь, и днём и ночью работает. И энергии меньше уходить стало. Тренировки вынужденные помогли.

Самое тяжкое после отдыха заново рюкзак на спину за-

брасывать. Измученный организм упирается всеми силами, ноги подрагивают, руки ноют. Руки-то почему? Самострел тяжёлый? Ничего, без него теперь никуда. Жаль, что не удалось огнестрел привести в порядок, сейчас бы ох как пригодился. Лежит бесполезным грузом, плечи оттягивает. Даже закралась поганая мыслишка перебрать вещи, оставить лишнее. Ага. Когда собирался, всё ненужное и оставил. И то жадность задушила. А тут всё нужное. Так что придётся терпеть. Ничего, постепенно привыкну. А вещи... Кто его знает, что может понадобиться в конце пути. Сейчас выкину, и окажется, что выкинул как раз то самое нужное. Так что нет, своя ноша, она... гм, короче, терпи.

Место для лагеря нашёл сразу же, упёрся в заросли орешника на очередном спуске, когда начал заканчиваться стланик и появилась буйная растительность. Тут и остановился, на самой границе. Комарья почти нет, сухостоя я в орешнике наберу, впереди непролазная чащоба из малины, крапивы, выюнков и другой разнообразной зелени.

Набрал дровишек, ободрал змеюку. Поджарил на костре, можно есть. Ещё и на завтрак останется. Рюкзак под голову и спать, измученный дневным переходом организм требует отдыха.

Утром болела каждая косточка, тело ныло и жаловалось на свою тяжкую долю. Со скрипом перевернулся на живот, помогая руками поднялся на ноги, распрямился. Пересиливая себя, под рвущиеся наружу стоны заставил сделать

нехитрые упражнения. Немного полегчало, но стоило присесть к костерку и приступить к завтраку, как боль навалилась с прежней силой. Или даже сильнее. Придётся терпеть. Пора в путь.

Ничего так, втянулся в ходьбу, мышцы начали отходить, к полудню прошёл несколько распадка. На комаров уже не обращал никакого внимания, лицо и руки распухли. Слепней и оводов только гонял, уж очень больно жалят. Вода закончилась, змею в обед доел, добычи никакой не попадалось. Остановился на очередной сопке, сбросил свою поклажу, осмотрелся. Тихо вокруг, спокойно, можно чуток отдохнуть.

Привычным движением примостил рюкзак под голову, улёгся, закрыл глаза, блаженствуя, вытянул ноги.

«Тихо вокруг. Почему? Ведь я и птиц не слышу? Дурак! Обо всём забыл, расслабился! По острову никто не ходит... размечтался!» – а руки уже потянули к себе заряженный самострел, пока в голове суматошно бились друг о друга панические мысли. Перекатился на живот, привстал на колени. Проверил сигналку, ничего и никого. Значит, можно пока успокоиться, прямой опасности нет, а вот то, что за мной кто-то идёт, это есть. Чувствовал ведь иногда непонятное дрожание на самой границе действия сигналки, так ведь нет, сам себя успокоил, уговорил, что это благодаря подросшей силе радиус действия увеличивается. И не человек это, тварь, одна из тех, что неизвестно откуда приходят на остров.

Справиться с ними можно, если подготовиться. Можно поймать в ловушку, это проще всего и безопаснее, да вот только у меня нет ни времени, ни возможности такую ловушку соорудить. Остаётся выбрать хорошее место для боя и ждать нападения. А сколько можно ждать? Еды-то нет. И вода закончилась. Думал, что сегодня к вечеру выйду к побережью, да ошибся в своих расчётах. Так что не до отдыха, нагружаемся и вперёд, надо забраться на вершину, осмотреться, может, там внизу уже берег. И место для боя присмотреть.

Страшны не сами твари, страшна неизвестность, ожидание нападения. Потому что начинаешь нервничать и делать ошибки. А твари могут быть самыми разными. Дед как-то раз объяснял, что это мутации так подействовали на зверей, превратив вполне мирных и травоядных ранее зверюшек в опасных хищников. Нет, встречались и нормальные, обыкновенные звери, но мало. Впрочем, может, это у нас на острове мало, потому что всех повыбили на мясо. Остались только змеи. Кстати, а почему змеи не мутировали? Потому что в норах и под камнями прятались, когда радиоактивные осадки поливали? Почему раньше этим вопросом не задавался? Можно же было деда расспросить? А теперь поздно, некого расспрашивать.

За размышлениями не заметил, как пересёк очередной распадок и вышел на пологую лысую сопку. У всех вершины почти лысые, без растительности. Почему? Ветер сильный? Или возраст сказывается? Интересно.

Что за ерунда в голову лезет? Тут по пятам неизвестно кто идёт, а я голову забиваю неизвестно чем. Остановился на макушке, сбросил поклажу, присел, потом прилёг, нечего маячить. Одно утешение, море вдалеке показалось. Или океан, кто его знает. Низкую сопку перейти и всё, буду на берегу. И что делать? Идти вперёд или подождать? Если кто-то за мной следит, то тут единственное подходящее для меня место, чтобы встретить неизвестного. Остальное – заросли внизу и деревья, ничего там не увидишь. Сам легко добычей станешь. Так что весь мой невеликий боевой опыт настойчиво советовал оставаться на вершине сопки. Ну и здравый ум, куда же без него.

Чуть заметно, на грани восприятия дрогнула сигналка. Если бы не ждал, то и не заметил бы. Непонятно. Всмотрелся в сторону срабатывания, никого. Плюнул от досады, у меня же бинокль есть. Заспешил, дрожащими от адреналина руками полез в рюкзак, путаясь в застёжках и ремнях. Хорошо что не пришлось всё содержимое вываливать, сверху лежал. Подхватил, прижал к глазам, ничего не видно. Пока в рюкзаке лежал – сбилась настройка. Спohватился, отложил его, приготовил саблю и нож, проверил самострел. Подумал, достал второй, пока есть время, собрал и его, зарядил, не мешает. Положил рядом. Теперь можно и в бинокль посмотреть. Сигналка чётко показывает направление. Покрутил резкость, навёлся, зашарил взглядом по кустам внизу. Пару раз заметил чуть дрогнувший куст, шевеление веток,

словно от ветра, сосредоточился в этом месте, замер. Вот оно! Высунулась чья-то усатая длинная морда, пошевелила носом, смешно приплюхиваясь, скрылась в зелёных листьях. Знакомое что-то.

Кто это? Ну, давай, целиком высовывайся.

Потянулось время, замерло. Запели птицы, стрекочет в траве разная мелкая живность. Над головой белые клочья облаков несутся стремительно, солнышко, ветерок обдувает, хорошо. А по телу мурашки нервного озноба прыгают, сначала по рукам, потом на спину перелезают, по затылку шарятся. От бинокля глаза заболели, слезиться начали. Отложил его в сторону, потёр глаза, поморгал.

Резко сработала сигналка за спиной. Извернулся на животе, перевернулся по змеиному, выставил самострел. Ничего не вижу. Ещё раз всмотрелся в сигнальные нити. Атака! Да вот же, рядом почти, внизу подо мной. И ничего не вижу. Марево какое-то прозрачное впереди колыхается. Глаза слезятся, что ли? Сигналка всё сильнее вибрирует. Нет же никого...

От непонятного затопило страхом, накатила жуть. И, наверное, от этой самой жути тело начало действовать само, на инстинктах, на том, что срабатывало всегда. Правая рука вытянулась вперёд в сторону опасности, вылетевший поток пламени обтёк и обозначил невысокий смутный силуэт в нескольких шагах от меня. Следом за огнём в эту обозначившуюся фигуру ушёл стальной стержень из самостре-

ла, скрылся в клубящейся дымке марева, выбил под солнечный свет закованную в серую чешую тушу. В полной тишине тварь вздрогнула, извернулась, заскребла зубами, пытаюсь выдернуть торчащий из груди огрызок стали, не сводя с меня своих красных горящих ненавистью глаз, сделала шаг вперёд, опустилась на четыре точки, мотая уродливой усатой башкой.

Узнавание ввергло в ступор. Не может такого быть! Ненавижу! Замотал головой, потянулся ко второму самострелу, выстрелил страшилищу в голову. Не сводя глаз с медленно приближающегося зверя, начал лихорадочно перезаряжаться. Вроде и дело простое, да если бы не так руки тряслись. Но успел, перезарядил один самострел. А вот второй не успел.

Повезло, что сигнальное заклинание так и продолжало работать. От внезапного срабатывания за спиной свело лопатки смертным ужасом. Тварь не одна, оказывается! Тут первая ещё живая, ползёт ко мне, медленно, но ползёт, глаз не сводит, толстый шипованный хвост в струнку вытянулся. И обернуться назад страшно, и не оборачиваться ещё страшнее. Наконец-то вставил стрелку в самострел, обернулся через плечо. Опять ничего! Да что же это такое!? А сигналка уже не просто дрожит, она почти верещит, если так можно сказать.

Откуда нашёл в себе силы оторваться от красных притягивающих глаз подползавшей снизу твари, потом разберусь, а пока, так же на автомате, сработал по предыдущему

шаблону. Сначала в сторону вероятного нападения полетел огонь, высветив очередное страшилище, а следом ушёл и самострельный болт, точно так же лишив невидимости тварь. Всё, самострелы разряжены. Рука сама подхватывает саблю, в левой готовое к использованию заклинание.

Сзади! Отпрыгиваю в сторону, высоко поджав ноги, откуда только силы взялись. Тварь со спины подобралась совсем близко, лапами машет, когти растопырила, сцапать хотела. Когда же ты сдохнешь?

Из-под ног только мелкие камешки брызнули. Приземлился, развернулся. С левой руки выпускаю поток пламени в набегающую снизу вторую, не знаю как и обозвать подобную зверину, да и какая сейчас разница, отбиться бы.

Энергия на исходе, в голове противно заныло, во рту появился привкус железа, значит, совсем немного осталось, только на подзабытую слабенькую молнию. Не до жиру, следом за огнём от отчаяния отпускаю на свободу и это подзабытое заклинание. Бледный при солнечном свете тощий разряд уходит змейкой вниз, прикипает к торчащей из груди твари стали и... пропадает. Пропадает и сигналка, не хватает ей энергии. Но вроде бы тварей всего две, больше ни на кого уже не срабатывала. Впрочем, мне и двух за глаза хватает.

Не сработало? Замираю на миг, не веря своим глазам. Набегающий снизу хищник словно сдувается, корчится в судороге и падает на бок. Тут же сильный удар сбивает меня с ног, лечу вниз со склона, кувыркаясь и разбрасывая в сторо-

ны руки и ноги, стараясь затормозить. «А-а, проворонил!» Склон пологий, так что сразу удаётся остановиться, даже голова не успела закружиться. На моё счастье, ударом меня скинуло вбок, в сторону от атакующей твари. Встаю на ноги... И тут же заваливаюсь на бок. Правая нога не держит, подламывается в колене. Резкая боль прочищает туман в голове.

Адреналин и страх поднимают в стойку. Сабля намертво зажата в руке. С вершины на меня медленно-медленно плывёт-валится серое чешуйчатое тело. Успеваю выставить навстречу саблю и потянуться к молнии. Ну ещё бы чуток энергии... Когтищи чуть-чуть не дотягиваются до меня, сабля входит куда-то в грудь зверюге, отталкивая меня назад. Падаю на спину, ещё успев оттолкнуться ногой, и выпускаю саблю. «Надо было чуть раньше сигналку отключить» – проскочила мысль.

Удар о землю спиной с хеканьем выбивает весь воздух из груди, скольжу вниз, обдирая спину о каменистый грунт. Мозги опять зазвенели, погано как. Больно. А рука уже отстегнула фиксатор и потянула клинок из ножен. Остановился в клубах пыли. Лежу на склоне головой вниз, ногами к вершине, нож вперёд смотрит. В горле что-то клокочет, в носу хлюпает, из глаз слёзы текут. Помогая себе руками, извернулся, привстал на колени, помотал головой, разбрасывая красные капли. Посмотрел вперёд. Неужели сдох?

Навалился рвущий кашель. Выплюнул какие-то чёрные

сгустки, отдышался, опираясь на подрагивающие от накатившей слабости руки. Ещё раз сплюнул, осмотрелся. Над первой убитой тушей уже и мухи закружились, зажужжали. А с этой что? Моя сабля из спины торчит, похоже, тварь сама себя при падении и насадила на верный клинок. В голове промелькнул рисунок из каюты с усатым мужчиной. Спасибо тебе. Спасло меня твоё железо. Теперь – моё.

Постоял на четвереньках, отдышался, понемногу начал приходить в себя. Попробовал выставить сигналку – не получилось, пустой, только во рту опять появился кислый привкус железа. Ладно, подождём.

Так, на четвереньках, и пополз наверх, к валяющейся туше. Надо свою саблю освободить.

Ну и запах! Даже не запах, скорее, вонь. Смердит тварь. Хотя мне сейчас как-то не до запахов, в своих проблемах бы разобраться. Правая нога так и не работает, при каждом движении болит, стреляет. Если перелом, то пропаду. Хотя почему пропаду? И откуда я взял, что перелом? Да, болит, но ведь ползу, ногой шевелю, значит, не всё так страшно. Злость накатила, придала силы. Перевернул тушу, теперь уже не казавшуюся огромной и страшной, потянул свой клинок. Сабля медленно, скрежеща о чешую, вышла из тела, чуть стекла струйкой кровь из открывшейся раны. Ухватился за хвостовик болта, грязные пальцы, перемазанные в песке и глине, не дали соскользнуть со стального стержня. Напрягся, выдернул и его, правда, с трудом, на пределе сил. Боялся, что

в костях застрянет, придётся вырезать. Повезло. А из головы придётся вырубать. Застряла стрелка в длинной зубастой челюсти. Поэтому она только лапами и махала... Пошатал стрелку, заодно повертев голову твари из стороны в сторону. Ох и страшилище... Крокодил сухопутный, только умеет на двух ногах ходить. Но нет, не крокодил, гораздо хуже, потому что хитрее. Приспособились парой охотиться. Невидимки... Только что вспоминал про вас, твари. Ошибся я, и все ошибались, когда говорили, что крысы не мутировали. Ещё как мутировали, вот они, дохлые на склоне валяются. Повезло мне, магией только и отбился. Если бы не огонь и молния... С молнией интересно получилось, а почему? И огонь на них совсем не подействовал, только силуэт обозначил и всё. Чешуя не горит? Ну да, это же не шерсть. Попозже посмотрю, когда перевяжусь и раны обработаю. Я про таких на нашем острове пока не слышал, надо бы поселковым показать и рассказать... Стоп. Каким поселковым? Переклинило меня знатно. Но и не предупредить людей было бы не правильно. Фермерам расскажу, кого встречу. Так будет лучше.

Отполз к вершине. А где мой рюкзак? Тварюга его в сторону откинула, теперь ещё и за ним ползти. А сил нет. И воды нет. А пить хочется. Сел, осторожно вытянул ноги, посмотрел на разорванную штанину комбеза, залитую кровью. Нет, надо за рюкзаком ползти, там и перевязочное, и кое-какие лекарства. Думал, вниз будет легче спускаться, однако ошибся. Нога сильнее болела, мешалась. Но добрался. Тут

же вколол себе сыворотку, как учил дед, достал пару таблеток, которые никак не хотели проскакивать в горло. Помогло то, что кровь никак не хотела останавливаться. Пошмыгал носом, проглотил их вместе с сукровицей.

Вытянул нож. И когда я его на место в ножны сунул, не помню. Разрезал штанину, полил на раны антисептиком, зашипело, запузырилось, смыло кровь. Это она меня когтями зацепила, а в основном мне повезло, легко отделался. Нога не сломана, ушиб, правда, очень сильный, мышца бедра в месте удара уже посинела, три глубокие борозды от когтей и содранный лоскут шкуры. Вот это самое плохое, это долго заживать будет. Посыпал порошком из пакетика, наложил повязку, как сумел. Похоже, дед был бы доволен. Пока всё. Голова гудит, так это не страшно, а вот что со спиной? Жжёт и печёт сильно. Ободрал? Ох, твари. С вас бы так шкуру снять. А что, это мысль. Денег, наверное, будет стоить немеряно. Посмотрим по самочувствию и если проблему с водой решу.

Расстегнул ремень, положил рядом. Ого, сильно протёрся на спине. Это что же у меня там? Аккуратно потянул рукава, зашипел от боли. Ткань уже присыхать начала к ранам. Рывком сдёрнул одежду с плеч, откинул назад, привстал, поёрзал, освободился от комбинезона полностью.

Из того же пузырька полил себе на спину, наугад, но хоть так. Сколько смог достать рукой, ошупью проверил раны. Шкура ободрана сильно, щипет, жжёт. Ерунда, заживёт. Натёр тем же порошком, где достал. Вскрыл пакет с полотен-

цем, обернул вокруг тела, завязал узел на груди. Пригодилась добыча, неожиданно, но к месту пришлась.

Можно и на комбез глянуть. В общем-то ничего страшного, больше живое воображение нарисовало. Так, несколько протёртых дырок на лопатках и пояснице. Ну да, чем тормозил, то и стёр. Отстирать бы, да нечем. И так сойдёт. Осторожно надел, поправил узел на груди. Зашить разорванную штанину? Не к спеху. Что я собирался делать? Шкуру снимать? Нет, не сейчас, может быть, позже. Сейчас на первом месте вода, даже не еда. А нога... Что нога? Убедился, что кости целы, а то что ушиб сильный, так он пройдёт рано или поздно. Лучше, конечно, рано. Так что ковылять смогу. Даже если не смогу, всё равно идти надо, никуда не денешься. Как с вещами быть? Не унесу в таком состоянии. Как-как... ниже по склону спуститься и на каком-нибудь дереве приспособить. Еды там нет, на ветку подвесить и пусть висит, меня дожидается. Найду воду и вернусь. Флягу и большую бутылку на три литра можно к поясу привязать.

Так и сделал. И похромал, поковылял, пополз. Сил и времени это заняло... не стоит и говорить.

На низкую сопку я забрался. Тяжко было низину проходить. Все ветви на моём пути, кустарники, лианы норовили обязательно попасть под ноги и как раз приложиться именно по самой ране. Но прошёл, шипя сквозь стиснутые зубы. Подниматься было гораздо легче, уже проверенным способом, на четвереньках. Колени, правда, заболели, но это ме-

лочь по сравнению с тем, что было внизу. Вырезал себе палку для подпорки, но вверх с ней не смог идти, мешала. Но не выбросил, тащил с собой, пригодится. Как и самострел. Без оружия никуда, в каком бы состоянии ты ни был.

Сидел на вершине и отдыхал, подставив лицо солёному ветерку, остывая после тяжёлого перехода. А впереди спуск, что труднее. Слева, похоже, должна быть вода. Бинобль бы сюда. Видно маленькое устье втекающего в море ручья, но откуда он течёт, уже не вижу. Придётся спускаться к берегу. Кстати, отметил, что берег пустой, ферм не вижу. Потом буду думать. Ну что, вниз?

До вечера спуститься не успел, пришлось ночевать в кустах, у подножия, забравшись глубже, почти в самую середину. Это так, для самоуспокоения. Умом понимаю, что очередная какая-нибудь подобная тварь меня из этих кустов на раз выковырнет, но всё равно забрался, пусть хоть помучается, доставая. Да и устал, уже не до страха было.

Раны разболелись, дёргали, но спал крепко, измученный организм требовал отдыха. Энергия почти полностью восстановилась, поэтому на ночь выставил сигналку, всё спокойнее.

Утром проснулся от холода. За ночь замёрз до дрожи. Это не в сопках ночевать. Восход солнца встретил с нетерпением, свернувшись калачиком и стуча зубами. И заковылял дальше, через боль и слабость.

По песку идти было бы одно удовольствие, если бы не ра-

ны. Плотный, слежавшийся, крупнозернистый, он почти не сыпался под ногами. Несколько мешала полосатая остролистая трава, но удавалось обходить эти режущие островки. К воде не подходил, опасался, сил отбиваться от кого-нибудь никаких не было. Доковылял, но бросаться к воде не стал, вбитые с детства навыки заставили сначала осмотреться, убедиться в полной безопасности и только потом зачерпнуть ладонью воду. Лизнул, вода сразу же впиталась во рту, даже не успев проскочить в горло. Ничего, можно пить. Ещё раз зачерпнул, опустил на колени, припал к воде. Выпрямился, огляделся, неприятное чувство незащищённости в этот момент отступило. Молчит моя сигналка, но она и в прошлый раз молчала. Впрочем, вру. Это я дурак, прошляпил.

Наполнил свою тару, флягу сразу же прицепил на место, а бутыль понесу в руках. Умылся, промыл осторожно нос, отплевался. Надо отойти подальше от моря, мало ли кто кровь в текущей воде почует?

Подхватил самострел, примостил на плечо, потопал вверх по течению, постоянно озираясь.

Стекающий с сопки на берег небольшой ручей выбил в песке углубление, получился водопадик с чашей. Вокруг никого. Осторожно разделся, положил рядом самострел, пусть под рукой будет, начал отмываться, а потом и полностью залез в холодную воду, промыл свои отросшие волосы. Раньше я их ножом обрезал, а тут не до них было в последнее

время, вот и отросла грива. Обрезать, что ли? Нет, потом, позже. Прополоскал комбинезон, оттер песком и травой засохшую кровь. Пятна остались, но уже не так страшно будет. Посидел на бережку, отмачивая раненую ногу. Хорошо бы в морскую воду залезть, она лечит, но страшно. И место незнакомое, да и вообще, осмотреться надо для начала. Нет, это уже второе будет, или даже третье. А самое главное сейчас, это еду найти, второе – вещи свои забрать и шкуру с твари снять. И вернуться сюда, отлечиваться. Или другое место присмотреть, удобное и надёжное. Повязка моя отмокла, шипя от боли осторожно отодрал её, осмотрел рану, воспаления нет, пока нет, это хорошо. На мне всё как на собаке заживает. Были, говорят, такие звери и где-то наверняка ещё есть, рассказывали люди. А на острове их давно извели или сожрали, как и кошек.

Как смог, обработал раны, замотал новыми бинтами. Полотенце перевернул другой стороной и завязал узел на груди. Можно тихонько посидеть, полежать на боку, пока комбинезон подсохнет.

Солнышко пригревало, к боли притерпелся и, наконец, нашёл такое положение, при котором она почти не беспокоила. Всмотрелся в ручей, заметил на дне палочки больших ручейников. Можно набрать, попробовать с берега рыбу поймать. Снасти-то у меня всегда с собой. Хотя нет, не буду этого делать. Хоть кровью от меня сейчас и не пахнет, но кто его знает, может, запах ран почуют? Или увидят? Потерплю,

все-го-то второй день голодовки, даже полезно. Да и не привыкать. Перевернул комбез, потрогал рукой. Горячий. Ещё чуть-чуть и можно надевать. Пора возвращаться, за оставленные без присмотра вещи заволновался. После нападения как-то всё равно стало, что будет с остальным барахлом, а вот огнестрел потерять очень не хочется. Привести бы его в порядок...

Раскалённая одежда обожгла кожу, опоясался ремнём, повесил ножны и флягу, обулся, подхватил самострел. Вперёд.

После отдыха и омовения идти стало тяжелее. Короткий отдых расслабил. Но постепенно втянулся, уже увереннее зашагал, опираясь на палку и всё больше загружая больную ногу. Со стороны, наверное, интересно посмотреть как я ковыляю, горблюсь, подпрыгиваю на одной ноге. А мне лишь бы идти вперёд.

Обратная дорога показалась и оказалась короче. Может потому, что была уже знакома, а может, потому, что торопился к брошенным без присмотра вещам.

Успел. Никто мой рюкзак не утянул. Подняться наверх, за шкурами? Или шкурой? Не хочется, устал сильно. А надо, вдруг пригодится. Да что я сомневаюсь! Конечно, пригодится. Только за сведения об этих тварях можно с фермерами общий язык найти, а если мой рассказ к тому же будет снятым трофеем подкреплён, то, может, удастся за него и денег получить. По крайней мере, уж перевозку-то можно будет им оплатить. Надеюсь.

Собрался с силами и полез наверх, хочешь не хочешь, а надо шкуру снимать.

Глава 5

Стою на берегу небольшой аккуратной бухты, окружённой сбегающими к морю сопками, по щиколотку в горячем сером песке, словно на распутье – ровно посередине пляжа. Куда идти, влево или вправо? Слева в получасе ходьбы скалы и справа. Что за ними – не видно. И как-то больше тянет в левую сторону, там и склон спускается густыми кронами деревьев почти к самым волнам, и камни вроде бы ниже, чем справа, пройти будет легче. Туда и поковыляю.

На полпути начало немилосердно дёргать ногу, перебрал я с нагрузкой. Шкуру снял только с одной туши, наскоро, целым куском, больше сил не хватило. Была мысль отрезать кусок мяса, да побоялся. Непонятный зверь, неизвестный, лучше его не есть. И хорошо, что не взял, сейчас бы переживал. Дотерплю до камней, там чем-нибудь разживусь. К вечеру кое-как доковылял до мыса, нога уже почти не слушалась, повязка пропиталась кровью, и рану здорово дёргало. И мухи достали. Но дошёл.

Отсиделся под скалой, отдышался – пришёл в себя, осмотрелся. Не ошибся я, в нужную сторону пошёл, хорошее место. Никого вокруг. Выбрал подходящий закуток между валунами с глубокой ямой, осторожно разделся. Тут же, рядышком, пристроил самострел, соскользнул в прозрачную тёплую воду.

Ногу защипало, зажгло морской водой. Прилёг на живот, спину опустил поглубже, только голова торчит из воды. Из-за камней ничего не видно, сигналка только и осталась. Подождал, пока отмокнет повязка, осторожно смотал бинт. Полежал ещё чуток, вылез на песок, уселся на одежду, подставляя спину и бедро под палящее солнце. Через какое-то время залез ещё разок, после этого только отпустило, смог осмотреться по сторонам на предмет чего-нибудь съесть.

Похоже, никто тут не ходит. Ракушек и моллюсков много, набрал, выкинул к своим вещам, вылез сам. Поел сырыми, что не съел, побросал в воду, никуда не денется, а так целее будет.

Дальше берег плавным изгибом уходит вдаль, и вот там, вдалеке, еле-еле просматривается что-то похожее на искусственные сооружения. Даже не просматривается, а, скорее, угадывается. Где там мой бинокль?

Точно, ферма. Далеко. Сегодня уже никуда не пойду, попробую отлежаться. Морская вода лечит. Сполосну комбез, бинты простирну. Под жарким солнцем они быстро высохнут. Берег пустынен, посторонних никого, зверья и чего-то непонятного не чувствую. Остатками лекарств нужно воспользоваться, перевязаться.

Весь следующий день пробирался по пустынному берегу, изредка приходилось перелезать через завалы камней, обшаривая попутно мелкие лужи на предмет чего сожрать. К вечеру ферму можно было рассмотреть без бинокля. Зано-

чевал на склоне сопки, огонь разводить не стал, тепло. А утром продолжил путь и скоро вышел к крепкой высокой бетонной стене. И поверху всё колючкой оплетено, не перелезешь. Подходил с опаской, торчащие по углам ограды скорострельные спаренные автоматические турели на низких основательных башнях внушали понятное опасение. С какой стороны обходить? От берега, судя по всему.

Обошёл вокруг, так и не найдя никакого подобия входных ворот. Совсем мне плохо, голова тупая – зачем им ворота на сушу, если у них вся работа в море? А со стороны моря мне не подобраться, не на чем мне плыть. Пришлось вернуться на берег. Должно же быть какое-то наблюдение за округой? И точно уверен, что меня давно заметили, только кому я тут нужен? Фермеры с местными контактов не поддерживают и в посёлке практически не появляются. Нечего им там делать. Была надежда на торговца и его связи, а теперь как мне быть, как внимание к себе привлечь? Может, шкурой твари перед стеной потрясти? Вдруг заинтересуются?

Так и сделал. Уже когда совсем собрался сворачиваться и отправляться дальше по побережью попытать удачу, услышал шум паровика. Из-за уходящей в море стены выскочил катер, разрезая острым носом мелкую волну, бодро пошёл к центру бухты, развернулся и, пройдя немного вдоль берега, взял курс в мою сторону. Это же ферма, он свои угоды обходит. Надо поспешить туда, куда он собирается причаливать.

Не успел. Катерок остановился недалеко от берега, при-

ставать не стал, замер на месте, попыхивая паром. Тут и я доковылял, остановился на мокром песке. Между нами метров десять воды, можно поприветствовать сидящих в катере.

– Есть информация по новым тварям, появившимся на острове. Вот шкура с одной такой. Интересно? – и опять развернул чешую.

– Что надо?

Резкие какие. И что мне на это отвечать? Как-то не так я представлял эту встречу. Надеялся, что будут ворота, разговор с глазу на глаз, а тут вот оно как получается.

– Да, в общем-то ничего. Хотел предупредить. Если не интересно, я дальше пойду.

Скатал шкуру, застегнул застёжки рюкзака, вскинул его на плечо, развернулся и пошёл в сторону леса. Придётся ферму обходить по склону и искать другие варианты. А их совсем нет. Из-за накатившего отчаяния разозлился, пошёл, словно нога и не болела никогда.

– Погоди! Да стой ты!

Запыхтел громче паровик, заставил оглянуться. Ни шагу назад, только надо проморгать предательскую влагу, выступившую от отчаяния, а может и от злости на глазах. Сбросил ношу, развернулся, самострел держу стрелкой вниз. Плохого я ничего про фермеров не слышал. Впрочем, хорошего тоже. Они сами по себе. Как и я.

Катер подошёл ближе, за кормой вскипел бурун реверса. Через борт перепрыгнул молодой парень чуть старше меня с

виду, побрёл на берег, внимательно следя за моими руками.

– Ты свой самострел отложи пока в сторону, поговорим.

Кивнул головой, положил оружие аккуратно на рюкзак, всмотрелся в подходящего фермера. Странная одёжка. Резиновый чёрный комбинезон, в таком по воде можно спокойно бродить, не холодно. В руках огнестрел, длиннее чем мой автомат, что именно не знаю, но вещь серьёзная, это сразу понятно.

– Покажи, что там у тебя? И глупости не делай, хорошо? – резиновый подошёл близко, с подозрением посмотрел на мой изорванный комбез, на проглядывающую через разрыв на бедре повязку. Еле заметная усмешка промелькнула, когда остановился взглядом на моём самостреле. Ну-ну.

– Хорошо. Я самострел в сторону уберу?

– Давай. Только смотри... – качнул стволом недвусмысленно.

– Ты сам смотри. Я-то оружие убрал. А ты своим крутишь, неправильно это.

– Ишь ты каков. Это ты к нам пришёл, не мы к тебе.

– А я уже уходил. Если остановили, значит, заинтересовались. Если заинтересовались, давай нормально разговаривать.

– Егор, что там? – не выдержал оставшийся на катере.

– Да погоди ты, сейчас разберусь! – отмахнулся от вопроса резиновый и посмотрел внимательно. – Ладно, давай нормально поговорим.

Перекинул автомат на сгиб руки, отвернул в сторону. Вот и хорошо.

Повозился немного, развернул шкуру, бросил на песок, пусть смотрит. Вот сейчас и узнаю, знакома ли им такая тварь.

– Это что? – не выдержал фермер, присел на колени, дотянулся рукой, толкнул чешуйку пальцем.

– Это? Шкура.

– Смеёшься? – даже вроде как обиделся.

– Да нет. Каков вопрос, таков и ответ. Если серьёзно, то тут недалеко столкнулся с двумя вот такими тварями. Невидимками. Еле отбился. И раньше про таких я не слышал. Решил предупредить. А вы других оповестите.

– А почему в посёлок не пошёл? А, понятно, – покосился на мою забинтованную ногу.

– Ну да, мне до посёлка скоро не добраться. А предупредить надо, мало ли беда будет.

– Ты сказал, невидимки. Это как?

– Сам не понял. Глаза отводят, что ли. Пока огнём не ша-рахнул, не увидел.

– Ты маг?

– Не совсем. Так, дед кое-чему научил. Можно сказать, самоучка.

Смотрю, задумался. Ещё раз осмотрел меня, мой само-стрел, рюкзак. Опасности от него не чувствую, злобы нет, любопытство только зашкаливает.

– Что ещё?

– Извини, остальная информация платная.

– Что? – удивился фермер. – Ты не местный?

– Местный.

– А откуда слова такие знаешь?

– Ну ты нас совсем уж за диких-то не держи.

– И говоришь, словно взрослый. Тебе лет-то сколько?

– У нас такие вопросы не задают. Тебе самому-то сколько?

Ненамного меня старше.

– Но старше.

– И что?

– Егор! – нетерпеливый крик из катера поставил точку в нашем бестолковом споре.

– Ладно, разряжай свою стрелялку и залезай в катер. Расскажешь всё отцу.

Ну вот, другое дело. Хотя этот резиновый и старше меня с виду, но я с ним как с младшим говорил, есть у меня такое убеждение.

Иду впереди, загребая воду. Уже у самого борта меня обогнал фермер, протянул автомат напарнику, ухватился за протянутую руку, перевалился через борт, тут же отсел на корму, пристраивая своё оружие на коленях.

– Теперь ты залезай. И глупостей не делай, хорошо?

Только и кивнул в ответ. Сил нет. Сейчас вот рюкзак свой перекину в катер и прощай моё имущество. Оттолкнут меня в сторону и отвалят со всем моим добром. Отогнал чёр-

ные мысли, навалился грудью на борт, оттолкнулся ногами, забрался.

– Этого с собой забираем? Ты уверен?

Второй чуть попроще. Одежда простая, рабочий застиранный комбез, резиновые сапоги-заколенники, оружие только одинаковое у обоих.

– Уверен. Отец пусть послушает.

Понятно. Сынок, получается. А это кто-то из работяг.

Катер запыхтел, задрожал, погнал вперёд волну мути, отошёл назад, развернулся и, разгоняясь, бодро почапал вперёд.

Прошли в узкие железные ворота, чуть разъехавшиеся в стороны при нашем приближении, пошли прямо на ферму. Вокруг всё в больших стеклянных поплавках, сети вниз уходят. Мягко притёрлись к причалу, Егор выпрыгнул на деревянный настил, шустро привязал прихваченный канат к какой-то торчащей штуке, поманил меня рукой. Пора. Иду, оглядываюсь по сторонам, интересно же. Резиновый поглядывает искоса с любопытством.

Людей немного, но есть. Тоже на меня косятся. Чуть в стороне навесы, сарай. Из железного колпака прямо напротив причала торчат пулемётные стволы.

Каменный дом, крепкий, окна узкие, ступени высокие. В посёлке дома другие, из разного хлама построены, кто что где нашёл. А тут всё красиво, чисто и аккуратно.

Подошли к дому, народ вслед за нами подтянулся, любопытствуют, на меня поглядывают, перешёптываются. Не по

себе как-то.

Дверь распахнулась, вот и главный пожаловал.

– Отец, посмотри, что он принёс. И выслушай его.

– Ты уверен?

– Да.

Затянулась пауза. Отец с сыном пободались взглядами. У одного он тяжёлый, аж к земле давит, у другого такой же упрямый, полностью в себе уверенный. Ничья, оба друг друга стоят.

– А вы почему столпились? Работать кто за вас будет? – оторвался на работагах хозяин.

Интересно, простые люди здесь откуда? Может, из посёлка? Тогда мне отсюда или быстро уходить надо, или уже только на архипелаг выбираться.

Фермер проводил взглядом расходящихся людей, поморщился, собрался было сплунуть, да передумал. Покосился ещё раз на сына, покачал головой, кивнул мне:

– Раз сын просит, выслушаю. Рассказывай.

И тут вывернул в свою пользу. Только мне просто так рассказывать не с руки, не за тем я сюда пришёл. Расскажу сейчас, и меня вон отправят. Нет, не пойдёт.

– Основное я вашему сыну рассказал. Остальная информация только за плату.

Ишь как взвились вверх брови у фермера, скулы напряглись, желваками заиграли. Да пофиг. Что они мне сделают? Вещи не отберут, не принято это, да и свидетелей вокруг

хватает, разговоры пойдут. Ну, отправят отсюда, да и ладно, других найду. Или, вон, в сопках жить стану. Места здесь тихие, кроме двух встреченных тварей больше никто не попадался. Рано или поздно найду способ убраться с острова. Или как-нибудь договорюсь с теми, кто товар забирает на фермах.

– Что, Егор, считаешь, оно того стоит? – хозяин медленно спустился по ступеням, остановился прямо напротив меня, впился взглядом в мои глаза. А вопрос вроде как в сторону задал. Сыну. Не отрывая от меня взгляда. И что? Пронять надеешься? На кладбище поживи сначала...

– Стоит, отец.

– Посмотрим. Что за свой рассказ попросишь? – это уже мне.

– На архипелаг перебраться! – была не была. Что я теряю? Ничего. Посмеются и всё, с меня не убудет.

– На архипела-аг... – протянул с издёвкой фермер. Даже вроде бы немного опешил от неожиданности. Прищурился. – Это не тебя ли поселковые ищут?

Не дождался моего ответа, вообще никакой реакции не дождался, стою молча, стараюсь накатывающуюся боль перетерпеть. Что-то рана на бедре разболелась, дёргать начала.

– Ну, молчи-молчи. Местные все уши про тебя прожужжали. Бандитам тебя сдать, что ли?

Снова прищурился. Если так будет постоянно щуриться, таким же, как поселковые, станет. Что там старый говорил?

Во – азиатский тип! Ногу дёрнуло, поморщился:

– Назад меня верните...

– Что морщишься? Не нравится?

– Отец, у него нога перебинтована... – из-за спины влез резиновый. – И спина вся ободрана.

– Да вижу я. Ладно, потом расскажешь, – поднял взгляд на сына. – Егор, ты почему в костюме до сих пор? Сколько раз тебе говорил, нечего на солнце в резине ходить.

– Так не успел же снять, когда?

– Когда, когда... Успевать надо! – и уже мне: – Егор тебя отведёт, обработаете ногу и спину. Ещё раны есть?

Я головой мотнул отрицательно.

– Вот и хорошо, что нет. Егор, накормишь нашего... гм, гостя. И посмотри там внимательно... понял?

Тот только головой кивнул и потянул меня за рукав, пошли, мол.

Пошли так пошли. Подбросил рюкзак на плече, поправил лямки, заторопился за уходящим вперёд Егором, чувствуя буравящий спину взгляд.

Раны мне обработали, намазали какой-то мазью, потом попикиали из баллончика. Не знаю, что там на спине, хотя мне и предлагали глянуть в зеркало, да не стал, отказался, сил не было шевелиться, а на ноге образовалась мягкая прозрачная плёнка, совсем не мешающая ни одеваться, ни ходить. Потом, что интересно, загнали в душ, плёнка даже не намокла, вода с неё просто стекала, не прилипала. И одежду

дали другую, чистую и не драную. Мою же отправили в стирку. Так Егор сказал. Без своей резины он показался ненамного старше меня, а уж роста точно одного со мной. И сразу же слетела вся его серьёзность вместе со снятым резиновым костюмом. Всё косился на мой самострел, даже попросил поддержать в руках. Покрутил, повертел, поприцеливался в стену, похмыкал. Но промолчал. А потом меня накормили. От пуза. Давно я не ел горячего и, вообще, давно не ел, со вчера. Или с утра, уже и не помню, забыл. Давно это было. После еды мы пошли в дом. Нет, что такое настоящий дом, я знал по рассказам старого, а вот самому в нём побывать пока не доводилось. У торговца дальше торгового зала не пускали, а больше нигде и не был, с поселковыми мы отношений не поддерживали, не было у нас там ни друзей, ни знакомых. Близких. Впрочем, неблизкие тоже как-то быстро закончились со смертью деда.

Поэтому мне всё интересно. Даже не страшно. И может быть, поэтому я забыл даже назвать цену своему рассказу, когда меня начали быстро расспрашивать. Рассказывал, а сам всё головой крутил по сторонам, пока не опомнился и не притормозил свой язык, с ужасом осознав, что всё разболтал.

– Да рассказывай уже до конца, что замер. Договоримся, не бойся, – правильно понял мою заминку хозяин.

Только сейчас опомнился, обратил внимание на людей вокруг. В большой комнате кроме фермера с сыном сидели ещё

три человека. Все с оружием, молчаливые. Хотя нет, один без разнообразного навешанного железа. Ладно, раз проболтался, останавливаться на полпути будет совсем уж по-детски. Рассказал. Только вот про молнию пока говорить не стал, придержал почему-то. Надо же оставить хоть какой-то аргумент для торга. Вдруг пригодится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.